Литкульпривет!

Литературно-художественный журнал

На Прохоровском музыкально-поэтическом фестивале в Нижнем Ингаше.

8 (130)

август 2023 г.

Ежемесячный журнальный выпуск

Литкультпривет!

Основан 30 октября 2012 г. п.г.т. Нижний Ингаш Август №8 (130) 2023 г.

Юбилейный календарь

225 Антон БАЛЬМОНТ

Русский поэт, литературный критик и издатель, представитель романтической поэзии первой трети XIX века; один из первых выпускников Царскосельского лицея, друг А. С. Пушкина. Дельвиг был автором лирических стихов, навеянных русскими народными песнями, которые Антон Антонович очень любил. Уже при жизни поэта романсы на его стихи писали Даргомыжский, Глинка, Алябьев. Некоторые песни на стихи А. А. Дельвига давно считаются народными: “Соловей”, “Не осенний мелкий дождичек”, “Ах ты ночь ли, ноченька”

220 Владимир ОДОЕВСКИЙ

Владимир Фёдорович Одоевский русский писатель и мыслитель эпохи романтизма. Издатель ряда журналов и альманахов. Увлекался оккультными учениями, за что получил прозвище «русского Фауста». Известен как мастер фантастической романтической повести, одним из первых в России экспериментировал с жанром утопии, продолжал традиции просветительской

115 Леонид ПАНТЕЛЕЕВ

Леонид Пантелеев - литературный псевдоним; имя при рождении Алексей Иванович Еремеев, - советский писатель, получивший известность благодаря автобиографической дилогии «Республика Шкид» и «Лёнька Пантелеев», а также рассказам и сказкам для детей.

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИЦИСТИКА

Алла Новикова-Строганова
“Великий сын России”.....3
.

ПОЭЗИЯ

Николай Ерёмин.
Стихи.....6

Евгений Степанов
Деревья, травы, небо . Стихи.....8

Светлана Войтко
Стихи.....10

Александр Балтин.
Стихи.....13

Инна Парахина
Стихи.....15

Сергей Прохоров
Стихи.....32

ПРОЗА

Евгений Татарников
Старый набор картинок из детства, найденных на чердаке.....17

Людмила Брагина
Свадебный подарок.....20

ЛИТМНЕНИЕ

Александр Балтин
Поэтическое обозрение.....34

Редактор ***Сергей Прохоров***
Красноярский край,
Нижний Ингаш.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
Москва

Алла Анатольевна Новикова-Строганова - доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы

ВЕЛИКИЙ СЫН РОССИИ

(памяти Николая Васильевича Гоголя)

Непреходящими остаются православные идеи христианского писателя о духовном возрождении России, воскрешении «мёртвых душ».

Гоголь остро ощущал свою нерасторжимую связь с Родиной, предчувствовал заповеданную ему высокую миссию. Он благословил русскую литературу на служение идеалам добра, красоты и правды. Все отечественные писатели, по известному выражению, вышли из гоголевской «Шинели», но никто из них не решился сказать подобно Гоголю: «Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?..» [1] (здесь и далее выделено мной. – А.Н.-С.)

Он был воодушевлён идеей патриотического и гражданского служения: «Назначение человека – служить, – повторял автор «Ревизора» и «Мёртвых душ». – И вся наша жизнь есть служба». «Писатель, если только он одарён творческою силою создавать собственные образы, воспитайся прежде всего как человек и гражданин земли своей…»

Размышляя о Церкви, о православном и католическом духовенстве, Гоголь замечал: «Римско-католические попы именно от того сделались дурными, что чересчур сделались светскими» [2]. Православные же священники призваны избегать тлетворного светского влияния и – напротив – оказывать душеспасительное воздействие на мирян через самоотверженное проповедническое служение Слову Истины: «Духовенству нашему указаны законные и точные границы в его соприкосновениях со светом и людьми. <…> У Духовенства нашего два законных поприща, на которых они с нами встречаются: Исповедь и Проповедь. На этих двух поприщах, из которых первое бывает только раз или два в год, а второе может быть всякое воскресение, можно сделать очень много. И если только Священник, видя многое дурное в людях, умел до времени молчать о нём, и долго соображать в себе самом, как ему сказать таким образом, чтобы всякое слово дошло прямо до сердца, то он уже скажет об этом так сильно на исповеди и проповеди <…> Он должен с Спасителя брать пример» [3].

Творчество самого Гоголя имеет исповедальный характер, носит учительную направленность, звучит как художественно-публицистическая проповедь. Пророческие предвидения об общественно-духовном кризисе и путях выхода из него стали нравственным ориентиром не только для следующего поколения русских классиков, но и проливают свет на эпоху сегодняшнюю, звучат на удивление современно: «Я почувствовал презренную слабость моего характера, моё подлое равнодушие, бессилие любви моей, а потому и услышал болезненный упрёк себе во всём, что ни есть в России. Но высшая сила меня подняла: проступков нет неисправимых, и те пустынные пространства, нанесшие тоску мне на душу, меня восторгли великим простором своего пространства, широким поприщем для дел. От души было произнесено это обращение к России: «В тебе ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться ему?..» В России теперь на каждом шагу можно сделаться богатырём. Всякое звание и место требуют богатырства. Каждый из нас опозорил до того святыню своего звания и места (все места святы), что нужно богатырских сил, чтобы вознести их на законную высоту» (XIV, 291 – 292).

Важно, чтобы мы всей душой осознали свою причастность всеобщему делу возрождения России, усовершенствования жизни, а для этого – учит Гоголь – необходимо осуществление простого правила, чтобы каждый честно выполнял своё дело на своём месте: «Пусть каждый возьмёт в руки <…> по метле! И вымели бы всю

улицу» (IV, 22). Эти строки из «Ревизора» неоднократно цитировал Н.С. Лесков, и нам не мешает вспоминать их чаще.

В «апокрифическом рассказе о Гоголе» «Путимец» Лесков вложил в уста героя рассказа – молодого Гоголя – заветную мысль о способности русских людей к быстрому нравственному возрождению: «а мне всё-таки то дорого, что им всё дурное в себе преодолеть и исправить ничего не стоит; мне любо и дорого, что они как умственно, так и нравственно могут возрастать столь быстро, как никто иной на свете <…> я ценю, я очень ценю! Я люблю, кто способен на такие святые порывы, и скорблю о тех, кто их не ценит и не любит!» [4]

Велико было внимание Гоголя к тайнам бытия, разделённого на уделы света и мрака. Борьба с чёртом, с силами зла – постоянная гоголевская тема. Писатель ощущал действенность этих сил и призывал не бояться их, не поддаваться, противостоять им. В письме к С.Т. Аксакову 16 мая 1844 года Гоголь предлагал использовать в борьбе с «нашим общим приятелем» простое, но радикальное средство в духе кузнеца Вакулы, отхлеставшего напоследок чёрта хворостиной, в повести «Ночь перед Рождеством»: «Вы эту скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он – точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечёт, раскричится. Стоит только немножко струсить и податься назад – тут-то он и пойдёт храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмёт. Мы сами делаем из него великана, а на самом деле он чёрт знает что. Пословица не бывает даром, а пословица говорит: “Хвалился чёрт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньёй не дал власти”» (XII, 299 – 302). Мысль о бессилии нечистой силы перед лицом твёрдого духом и стойкого в вере человека – одна из любимых у Гоголя – восходит к древнерусской житийной традиции. В «Повести временных лет» говорится: «Бог один знает помышления человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо немощны они и скверны видом» [5].

В то же время посрамление и одоление чёрта даётся совсем не просто, что и показывает Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Так, кузнец Вакула – религиозный художник – изобразил («намалевал») на стене храма побеждённого им беса. Высмеять зло, выставить его напоказ в комическом и уродливом виде – значит почти победить его. Однако в финале повести есть намёк на несмягчаемую силу чертовщины. В образе плачущего ребёнка воплощается тема страха перед нечистью. При виде изображения чёрта в аду дитя, «удерживая слезёнки, косилось на картину и жалось к груди матери». Гоголь даёт понять, что демонические силы можно унизить, высмеять, спародировать, но, чтобы окончательно победить «врага рода человеческого», нужны радикальные средства иного порядка – противоположно направленная, высшая Божья сила.

Писатель обращался к исследованию глубин человеческой природы. В его произведениях – не просто помещики и чиновники; это типы общенационального и общечеловеческого масштаба – сродни героям Гомера и Шекспира. Русский классик формулирует законы национальной жизни и целого мира. Вот один из его выводов: «Чем знатнее, чем выше класс, тем он глупее. Это вечная истина!»

Болея душой за судьбу России, Гоголь, согласно его глубоко лирическому, одухотворённому признанию, дерзнул «вызвать наружу всё, что ежеминутно перед очами и чего не зрят равнодушные очи, – всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога». Для этого «много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести её в перл создания». Эти творческие жемчужины – несомненно, из духовной, Божественной сокровищницы Творца.

Основное свойство классики – быть современной во все времена. Так же, как и Новый Завет, в каждое мгновенье и для каждого остаётся новым, каждый раз заново обновляя и возрождая человека.

Гениальные гоголевские типы оживают и воплощаются постоянно. В.Г. Белинский справедливо размышлял: «Каждый из нас, какой бы он ни был хороший человек, если вникнет в себя с тем беспристрастием, с каким вникает в других, – то непременно найдёт в себе, в большей или меньшей степени многие из элементов многих героев Гоголя». Именно – «каждый из нас». «Не все ли мы после юности, так или иначе, ведём одну из жизней гоголевских героев? – риторически вопрошал А.И. Герцен. – Один остаётся при маниловской тупой мечтательности, другой буйствует a la Nosdreff, третий – Плюшкин и проч.».

Путешествуя в пространстве и во времени, приспосабливаясь к нему, гоголевские персонажи по-прежнему вполне узнаваемы и в нынешней жизни – продолжают оставаться жидоморами-чичиковыми, собакевичами, «дубинноголовыми» коробочками, петрушками, селифанами, «кувшинными рылами», ляпкиными-тяпкиными, городничими, держимордами и др. В современной чиновничьей среде, как в гоголевских «Мёртвых душах», по-прежнему «мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы» (VI, 97).

Хлестаков в «Ревизоре» – это уже не просто нарицательный тип, а всепроникающее явление. «Этот пустой человек и ничтожный характер заключает в себе собрание многих тех качеств, которые водятся и не за ничтожными людьми, – объяснял Гоголь в своём «Предуведомлении для тех, которые хотели бы сыграть как следует “Ревизора”» – <…> Редко кто им не будет хоть раз в жизни». Не случайно Хлестаков кричит оцепеневшим от подобострастного ужаса чиновникам: «Я везде, везде!».

Открыв всеобъемлющую фантасмагорию хлестаковщины, Гоголь приходил к суду и над самим собой. Относительно своей книги «Выбранные места из переписки с друзьями» (1846) он писал В.А. Жуковскому: «Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в неё… Право, во мне есть что-то хлестаковское». В апреле 1847 года в письме к А.О. Россет писатель каялся: «Я должен Вам признаться, что доныне горю от стыда, вспоминая, как заносчиво выразился во многих местах, почти a la Хлестаков». И в то же время Гоголь признавался: «Я не любил никогда моих дурных качеств… взявши дурное свойство моё, я преследовал его в другом званье и на другом поприще, старался себе изобразить его как смертельного врага…»

Мысль о Божественной сущности слова была основополагающей для Гоголя. Писатель обострённо ощущал

священную сущность слова: «чувствовал чутьём всей души моей, что оно должно быть свято» [6]. Это привёло его к ос¬новным убеждениям: «Опасно шутить писателю со словом» (6, 188); «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними»; «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку» (6, 187). Эти афористически выраженные христианские писательские убеждения определили смысл главы IV «О том, что такое слово» «Выбранных мест из переписки с друзьями» и пафос этой книги в целом: «Слово гнило да не исходит из уст ваших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще – слово и которым определено говорить о прекрасном и возвышенном. Беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздаётся гни¬лое слово о гнилых предметах» (6, 188).

Как никогда актуальны гоголевские мысли об особой ответственности всех, кто наделён этим Божественным даром: со словом надо обращаться трепетно, бесконечно бережно, честно.

Незадолго до смерти – после посещения Оптиной Пустыни – писатель изменился и внешне, и внутренне. По свидетельству А.К. Толстого, Гоголь «был очень скуп на слова, и всё, что ни говорил, говорил как человек, у которого неотступно пребывала в голове мысль, что “с словом надо обращаться честно”… По его собственному признанию, он стал “умнее” и испытывал раскаяние за “гнилые слова”, срывавшиеся с уст его и выходившие из-под пера под влиянием “дымного надмения человеческой гордости” – желания пощеголять красным словцом.

Монах Оптиной Пустыни отец Порфирий, с которым был дружен Гоголь, в письме убеждал его: «Пишите, пишите и пишите для пользы соотечественников, для славы России и не уподобляйтесь оному ленивому рабу, скрывшему свой талант, оставивши его без приобретения, да не услышите в себе гласа: “ленивый и лукавый раб”» [7].

Писатель много молился, виня и себя самого в духовном несовершенстве. «Помолюсь, да укрепится душа и со¬берутся силы, и с Богом за дело» (7, 324), – писал он накануне паломнической поездки по святым местам.

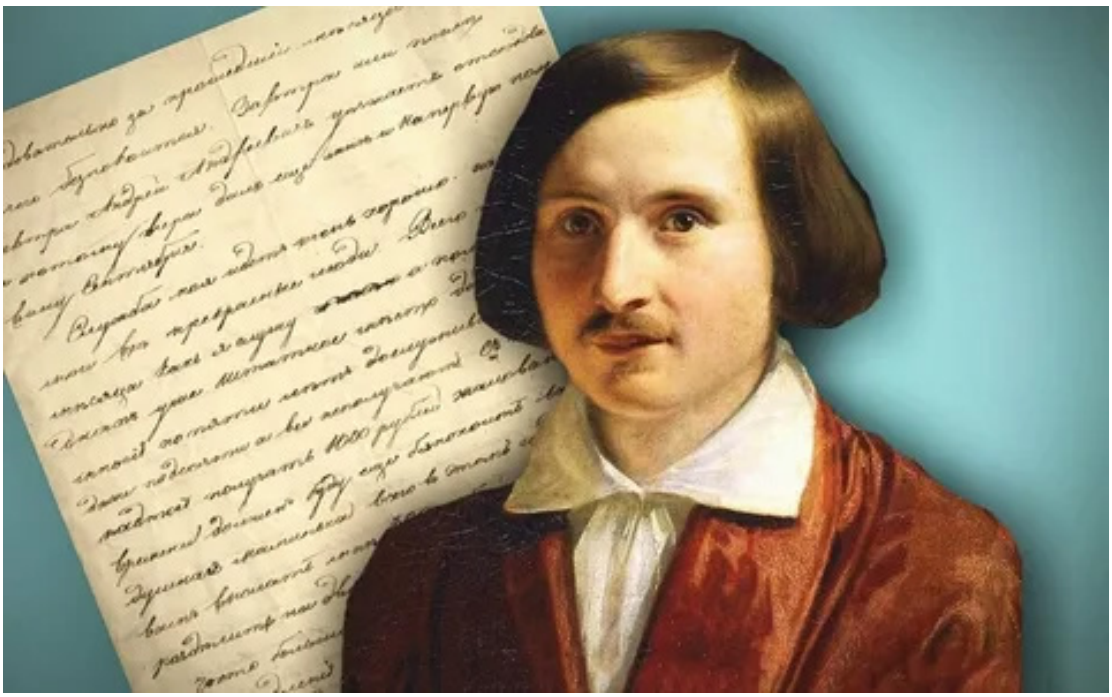
Учиняя строжайший суд над самим собой, предъявляя себе высочайшие духовно-нравственные требования, писатель являлся поистине титанической и трагической личностью и готов был пройти своим многотрудным путём до конца.

После его смерти И.С. Тургенев писал И.С. Аксакову 3 марта 1852 года: «...Скажу вам без преувеличения: с тех пор, как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя... Эта страшная смерть – историческое событие, понятное не сразу: это тайна, тяжёлая, грозная тайна – надо стараться её разгадать, но ничего отрадного не найдёт в ней тот, кто её разгадает... все мы в этом согласны. Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к её недрам, – ни одному человеку, самому сильному духу не выдержать в себе борьбу целого народа, и Гоголь погиб!» [8]

Главное – он сумел пробудить в нас «сознание о нас самих». По справедливому суждению Н.Г. Чернышевского, Гоголь «сказал нам, кто мы таковы, чего недостаёт нам, к чему должны стремиться, чего гнушаться и что любить».

В предсмертных записях Гоголь оставил «пасхальный» завет воскрешения «мёртвых душ»: «Будьте не мёртвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелазай иначе есть тать и разбойник» [9].

Полная ожиданий и надежд Россия и сегодня всё так же обращается к своему великому сыну в поисках правды о себе самой. И недалеко уже то время, которое виделось Гоголю, «когда иным ключом грозная вьюга вдохновенья подымется из облечённой в святый ужас и блистанье главы и почуют в смущённом трепете величавый гром других речей…»



Николай ЕРЁМИН

Красноярск

родился 26 июля 1943 года в городе Свободном, Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А.М.Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 г. Союза российских писателей с 1991г. и русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Кавалер Золотой медали «Василий Шукшин». Автор книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья», «Волшебный котелок», «Чучело человека». Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах, трёхтомник поэзии «Небо в алмазах». Николай Ерёмин является автором-составителем проекта «Миражисты». Лауреат премии «Хинган», «Нефритовый Будда» и «Сибирский Лев» (2019г) Победитель конкурса «День поэзии Литературного института - 2011» в номинации «Классическая Лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» им. Н.А.Некрасова. Награждён ПОЧЁТНОЙ ГРАМОТОЙ министерства культуры РФ .

РАССВЕТНЫЙ ЧАС

Встаёт рассвет над Нижним Ингашом,
Где я когда-то
Бегал малышом…
А нынче фестивалюсь - древний дед,
Которому без малого 100 лет…
- Какие сто?
У нас прекрасный вид! –
Мне Прохоров Серёжа говорит
И тут же приглашает,
Глядя вдаль,
На свой Нижненгашский фестиваль…
И дарит мне
Совсем не для красы
На батарейке Вечные часы…

ЮБИЛЕЙНОЕ

Урра!....Мне – 8О лет!
И я – известный всем поэт
Общероссийского значенья…
И вместо хлеба ем печенье…
И родниковая вода -
Мне слаще водки, господа!
И вдохновение - в груди…
И счастье – где-то впереди…
И Муза от меня ко мне
Летит на вечном скакуне…

***

Жизнь всё дороже,
Чем ближе к смерти…
Расчеты строже
От сметы – к смете…
И всё же…Всё же,
Прости нас, Боже,
Мы жить всё дольше,
Увы, желаем…
И выживаем…
И выживаем…

ПСИХИАТР:

- Он Пушкина хотел переписать
В буквальном смысле, да и в переносном…
И мне пришлось писателя спасать:
Бедняга жил, увы, в психозе остром…
Теперь - всего поэта наизусть
Он знает и читает…Ну, и пусть!

КОН-ФУ

И сказал Конфуций, как бы в оправдание:
- Почему спивается народ?
Потому, что ПИТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ…
К сожалению, а не наоборот…
Так что, выпьем, мой поэт, сегодня, тут!
На Том свете, я-то знаю, не дадут!

***

Сломать себя – и загреметь в больницу…
Покаяться…Проститься…И простить…
И всё-таки обломки совместить,
Мечтая –выжить, покорив столицу…

И не ломаться больше, так и быть:
Надеяться…И верить…И любить
…

***

Рад и славе, и молве
Я в хмельном угаре
Много лет прожил в Москве,
На Тверском бульваре…
И в Сибирские края
Сослан не случайно я:
Хмель, как слава и кино,
В ссылке кончились давно…
Возвращаюсь… А Москва
Говорит: - Зачем? Ква-ква…

***

Ау! Любви воспоминания,
Увы, взаимопонимания…
Я в этот одинокий час
Совсем-совсем никто без вас…
Ау! Во сне и наяву
Я только вами и живу…

ИЗ НОВОЙ КНИГИ ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

***

Влюблённые женские взоры…
И в каждом – вне правил игры –
Поэзия – точка опоры
До самой закатной поры…

***

Были до хворобы
Мы друг другу любы…
Ах, теперь микробы
Съели наши зубы…

***

Давно в бегах года Хрущёва, Брежнева,
И Горбачёва…Просто благодать!
Я не бегун. А значит, неизбежного
Среди бегущих можно избежать…

***

- Я разлюбил людей! – Сказал поэт
И умер… И тотчас ему в ответ:

- Зато тебя мы любим! И едва ли
Разлюбим! – Люди грешные сказали.

БИРЖА ТРУДА

- Требуются сопереживающие читатели!
- Что делают? Требуются?
А поэты и писатели?
- Пока не требуются.

***

Летит подруга на край света…
За нею – друг… За ними – враг…
И – ни ответа, ни привета…
А ты остался… Как же так?

***

Ах, велика душа пока, -
Воздушным шаром в облака
Летит она…Строка легка…
Что сочинилось – на века!

Евгений СТЕПАНОВ
Москва

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журнала «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

ДЕРЕВЬЯ, ТРАВЫ, НЕБО

ПРИСТАНЦИОННЫЙ ДОМ

Земля подпрыгивает — как
Разрядник на батуте.
Проходит мощный товарняк,
Который танк — по сути.

Дрожит оконное стекло,
Как трутень на месткоме.
Но я спокоен — мне тепло,
Я дома — в этом доме.

Я дома. Здесь моя земля
И свет, светлица Феба.
И здесь мои учителя:
Деревья, травы, небо.

2016, 2017

ОТ ПЕЧКИ

Волшебна дача, многолика,
дает блаженство и блага.
Пойдешь налево — там клубника,
пойдешь направо — там ирга.

Но я не только о природе
речь скоротечную веду.
Пойдешь вперед — и счастлив, вроде.
Пойдешь назад — найдешь беду.

Пусть даже выживешь — нервишкам
жестокий нанесешь урон.
А можно, торопясь не слишком,
смотреть на взлет сосновых крон.

А можно танцевать от печки
и никаких не ждать призов.
А можно, сидя на крылечке,
«услышать будущего зов».

2020

ВЕРАНДА

Как нужно, не веря ничьей пропаганде,
Полжизни, как день, я провёл на веранде,
Где банки варенья и банки компота.
И старый диван точно символ комфорта.

Полжизни, как час, я провёл на веранде,
Где книги Тагора, Флоренского, Ганди
И вечные, неотменимые гости.
Свисают в окно виноградные грозди...

А Нина Краснова всё краше и краше,
И Панжев балакает о «Ералаше»,
И Юра читает стихи непростые.
И звёздные ночи. И дни непустые.

А чувства мои и любовь неизменны.
Антоновкой пахнут старинные стены.
И я ничего не желаю другого.
Веранда, любовь и поселок Быково.

2020

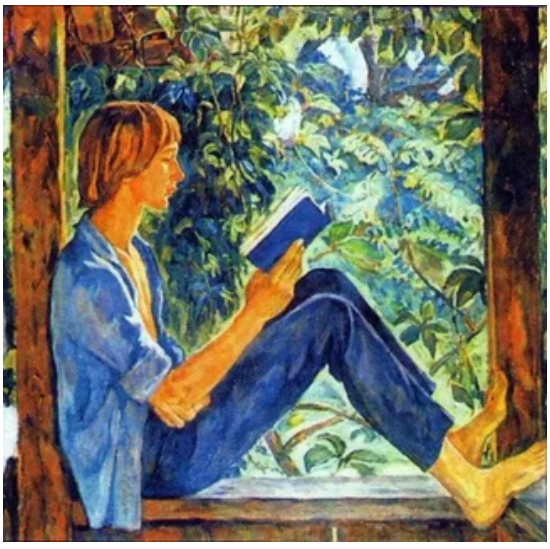
ЗОЛА

Я был бурьяном и грибом.
Я был и ханом, и рабом.

Я был сосною-и-смолой.
Я стал золой.

Зола нужна траве, сосне.
Я прожил. И не страшно мне.

2022



В СОСТОЯНИИ СОМАТИ

Я знаю, что всегда некстати
пустые громкие слова.
Я в состоянии сомати
провёл и день, и век, и два,
не реагируя на враки,
на сумрачную болтовню.
Пусть дурни лают, как собаки,
я отвечать повременю.

2015

ТРАЛИ-ВАЛИ

Тили-тили, трали-вали,
Говорили, выпивали,
Обсуждали все взахлеб.
Радостен был этот треп.

Трали-вали, тили-тили,
Выпивали, говорили,
Тары-бары, бла, бла, бла.
Глядь, а там и жизнь прошла.

2013, 2022

Светлана ВОЙТКО

Минск

:Светлана Войтко (SauVage). Родилась в г.п. Зэльва Гродненской области Беларуси. Публиковалась в литературных журналах: «Бийский Вестник», «Слово/ Word», «Маладосць», «Северо-Муйские огни», «Невский альманах», «Unzensiert» («Без цензуры»), «Южная звезда», «День литературы», «Метаморфозы», «Белая скала», «Литерра Nova», «Между строк», поэтическом сборнике «Фонарь». Живёт в Минске, Беларусь.

«Надежда на грани безнадёжности»

ОТРАЖЕНИЯ СНОВ

Реальность или сон – мне всё равно.
Не напугают меж миров границы.
Миг встречи важен – где неважно, но
Когда-нибудь закончатся страницы.

Так пой, покуда голос не затих,
Пока стремятся точки к многоточью.
Ты помнишь? Сны смотрели на двоих.
Бродили под дождём осенней ночью.

В мерцании тревожных фонарей
Там наши тени замерли навечно.
И, глядя в отражение смелей,
В полночном мраке зажигаю свечи.

Во снах продолжим мы искать ответы,
Покуда жизнь на грани тьмы и света

СЕМЬ КРИКОВ В ОКЕАНЕ*

Чем больше знаю современников,
Тем меньше верится в людей.
Любой готов с толпой расстреливать
Во имя пафосных идей,
Прикрытых лозунгами-фразами.
(Крик первый: десять – девять – пауза)

Лет через сто иное будет всё?
Другие хаос, боль и мрак?
И умерших заменят новые?
Что и когда пошло не так?
Борьба с надеждой продолжается.
(И стрелки – восемь – семь – вновь пауза)

Бредут тела во тьме, ссутулившись,
Со страхом выколоть глаза.
Пора на солнечную улицу,
Оттуда ближе небеса?**
Близка концовка неизбежная.
(Отсчёт идёт – шесть – пять – по-прежнему)

А я останусь идиоткою –
Что сотни лет прошли, что миг.
Люблю!! Хватаю воздух глоткою,
Последний ожидая крик.
Любимый! Закричать не дай!
(четыре – (пауза) – три – два...)***

* «Семь криков в океане» – фильм 1986 на основе пьесы «Крики в океане» испанского драматурга Алехандро Касоны
** «Bürger! Wenn ein Gasangriff auftritt, gehen Sie auf die Sonnenseite der Straße!»
(Граждане! При газовой атаке держитесь солнечной стороны улицы!)
(Табличка на Steindamm, Кёнигсберг, датируется ~ 1918 годом).
Снизу приписка от руки: «Von hier ist der Himmel näher» (Отсюда небо ближе)
*** До полуночи осталось 90 секунд. На данный момент это самое близкое к полуночи положение стрелок Часов Судного дня за всю их историю.

ДЕНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Мы вернёмся в покинутый город –
Яркой осенью, звонкой весной –
Заболевшие дикой тоской,
Извлекая саднящий осколок.

Встретит холод, безжизненность, серость.
Не такой ожидая приём,
Молча память мы пьём за углом,
Проливая её в повседневность,

Оживляя застывшее место,
Что хранит наши тени, следы,
Где повсюду живые цветы,
Где всё радостно, чисто и честно.

Бьётся города старое сердце.
Нас несёт городской кровоток,
Общей памяти тёплый поток.
Мы вернёмся. Согреть и согреться.

ЭЛЛИ

Элли, зачем мы свернули с дороги
В чащу лесную, в сплошной бурелом?
Ужас сковал, в сердце спазмы тревоги.
Элли, скажи нам, куда мы идём?

Элли, а как же наш план по спасенью?
Смелость для льва, путь обратно в Канзас?
Что вдруг случилось с твоим настроеньем?
Что ты молчишь, игнорируешь нас?

Милая Элли, вернёмся обратно?
Ты так бледна, изменилась в лице.
Мечутся тени, размытые пятна.
Каждая мысль в голове что свинец.

Элли хохочет заливисто, жутко.
Голосом хриплым бормочет друзьям:
«Разве не ясно, что всё это шутка?
Города нет! Это ловкий обман».

СНЕГ КАК НАДЕЖДА

По весне ветер старые листья метёт –
Прошлогодние жухлые черновики.
Прожит год. Ощущение, что «незачёт»:
Мы опять оказались в начале строки.

Понимая проклятие древних сполна:
Раз достались, чтоб жить, времена перемен, –
В тихом страхе гадаем, в чём наша вина,
Под защитою тщетной из мысленных стен.

Укрывает по-белому чёрное снег,
Оставляя надежду и мизерный шанс,
Что мы сможем унять свой безумия бег,
Что не станет макабром людской дека-данс.

СОЛЁНАЯ ВЕСНА

Я вожу ледяными пальцами
По засечкам застывшей памяти.
Как подачку прошу на паперти –
Солнца и тепла,
Но весна бела.

В камне главное обозначено,
Только к памяти шифр утраченный.
Мысли хаосом разлохмачены.
Жгучесть слёз в глазах.
Разъедает страх.

Уничтожив код безысходности,
Я плету слова, их свободен стиль.
Нет у памяти срока годности.
Пусть затянет боль
Океана соль.

ЧЕРНОВИК

Перечёркнуты страницы.
Манит новым чистота,
Где не проступили лица,
Только белизна листа.

Начать новый лист не сложно,
Почерк трудно изменить.
С оборота невозможно
Оборвать строк прошлых нить.

Иллюзорна перемена.
Гнётся «мыслящий тростник».
Обновляясь, неизменно
Продолжает черновик.

НАЙДИТЕ КОТЁНКА

Тонкие девичьи руки
Клеят на столб объявление:
«Котик... за вознаграждение...»
Горе случайной разлуки:

«Мой потерялся котёнок.
Ласковый, добрый, игривый.
Вдруг пробегал где-то мимо.
Мелкий смешной пострелёнок.

Пусть будет снова как прежде.
Кот пусть вернётся обратно.
Мир станет тёплым, понятным.
Люди, найдите надежду!»

Мир, он как эта девчонка,
Верит, что кто-то однажды,
Листик увидев бумажный,
Веру вернёт, как котёнка.

ДЕНЬ ПОЛНОЛУНИЯ

Клубок бесконечной нежности,
Стынущий на ветру.
Не виделись мы две вечности.
Кажется, я умру,

Когда мне тебя столетьями
Выпадет вновь искать.
Наполнена междометьями
Черновика тетрадь.

Заветный день полнолуния
Встречу, пароль храня.
Исколоты руки рунами.
Ты прочитай меня.

ВДЫХАЯ СУМЕРКИ

Помолчим, вдыхая сумерки –
Пену дней серообразных.
Всё давно уже придумано:
Эти буквы, эти фразы.

На двоих молчится искренней
Тишиною запредельной.
Теплота важнее истины?
Временами – несомненно.

Ты принёс букет жасминовый.
Просто к чаю. Так совпало.
Догорит закат карминовый.
Начинаем всё сначала?

Не измерить вечность числами.
Выпав белым снегом-пеплом,
Дышим морем, словом, смыслами,
Синим бесконечным небом.

ВСТРЕТИТЬСЯ ЧЕРЕЗ ВЕЧНОСТЬ

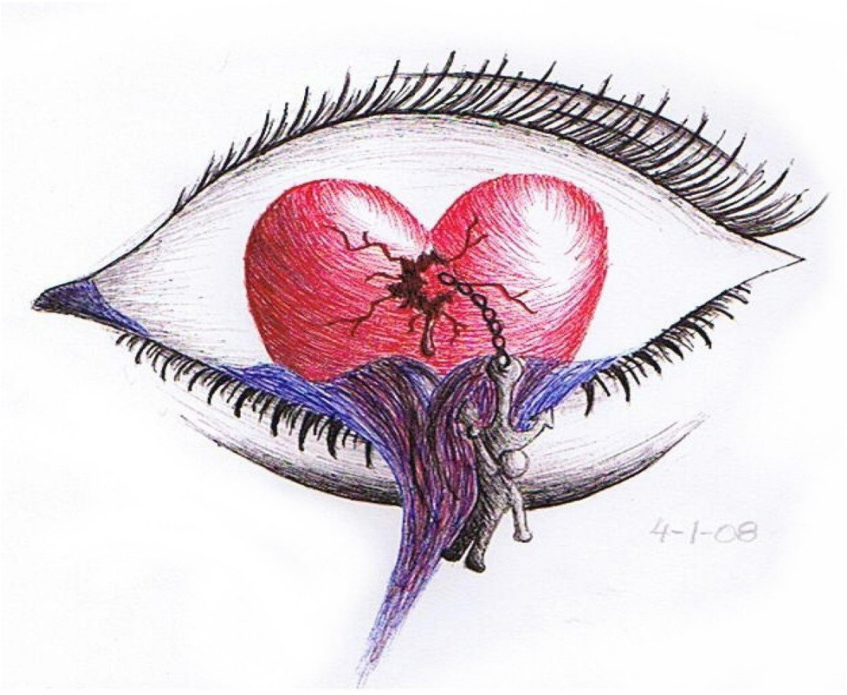
Пока не встретишь – к счастью ли, к беде –
Наперекор всем никогда-нигде,
Ты не познаешь бесконечность мига.

Тогда пустыни в трещинах простор
Цветов покроет трепетный узор,
Тогда меж строк понятной станет книга.

И на двоих – свободный крыльев взмах.
В полёте можно всё, неведом страх.

От сердца к сердцу протянулась нить
И жгучая надежда сохранить
Её, меняя сотни оболочек.

Встречаясь снова как в последний раз,
Сияние родных, любимых глаз –
Одно, что видеть, может быть, захочешь.



Александр БАЛТИН
Москва

Александр БАЛТИН - член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая Собрание сочинений в 5-ти томах), и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Франции, Дании, Израиля, Эстонии, Якутии, Дальнего Востока, Ирана, Канады, США.

А ещё Александр Балтин известен в литературных кругах как тонкий ценитель и высокопрофессиональный критик литературы классиков и современных писателей. Получить отзыв Александра Балтина о своем творчестве, всёравно, что получить от доктора диагноз о своём здоровье.

ПРИДОРОЖНОЕ КАФЕ

Придорожное кафе,
За окном кино мелькает.
Суетой едва ль смущает,
Коль сидишь ты подшофе.
Хлеб, сосиски, сыр… Светло
Летом, воздух льётся массой.
А судьбы сколь выкрутасы
Ранят сердце тяжело?
Ранят тяжело…Но пьешь
И затягивает раны.
Из кафе куда пойдёшь?
В смерть покуда двигать рано.

* * *

Я не люблю телесный свой состав,
Зависимость души от разной мути.
И в нелюбви подобной я не прав,
Но тело храмом не понять по сути.

Люблю туманы, реки и мосты,
Связующие берега так мощно.
Когда другого достигаешь ты,
Дороги вектор понимаешь точно.

Люблю фонтаны, шорохи воды,
Её паденье, низверженье, чашу.
Библиотеки, книжные плоды,
Жизнь соком наполняющие нашу.

Люблю монеты: круглые миры,
Связующие с многопёстрым прошлым.
Люблю…когда всерьёз, - миры игры
В судьбу и жизнь не кажутся хорошими…

* * *

Вместо сочинительства с утра
Стрелки дартс кидаешь ты на даче.
Вы приехали сюда вчера,
И на сколько – вряд ли знаешь даже.
Ты, жена и сын…
Бываешь ред-
ко, привычен к данности московской.
Здесь бывал порою августовской,
А теперь июнь, его сюжет.
Стрелки дартс так хорошо летят,
Жизнь твоя волочится убого.
Маму потеряв, утратил сад
Жизни. Стала чёрною дорога.
И квартира старая в Москве

Будто мёртвой и без жизни стала.
Стрелки дартс летят… Блестит в траве
Солнечное золотое жало.

* * *

Листик с веткой…
Мышка пробежала
Показалось – близорукий я.
Вздрогнул, будто тень моя пропала
В гнутых закоулках бытия.
Листик, будто тлением подъетый,
А идёт июнь всего…
Всегда
Ветка смерти входит в явь, и это
Не совсем понятная беда.

* * *

Багровая жуть понедельника,
Абсурд, разоряющий мозг.
Ах, жизнь, что со мной понаделала –
Для роста духовного, мол…
Какой он вообще-то – духовный
Рост, в мире, где деньги, как всё?
Нелепица яви церковной!
Их власти и тьмы колесо…
Багровая жуть затмевает
Сознание бедное – лют
Затягивает, убивает
Меня мой ничтожный маршрут.

* * *

Метаморфозы продолжают виться –
Овидий, властью сосланный в Сармат,
Хотел бы пышным прошлым насладиться,
Да замкнут в очевидности квадрат.
Как сладок абрикос науки страсти!
Вкусны ли мидии?
Мир сотворён
Обилием метаморфоз – в их власти
Пласты пространства, скоропись времён.
Овидия тоска возьмёт от жизни.
Спасают ли стихи?
Игра легка,
Она сложна, но не бывает лживо
Ветвление великого стиха.

* * *

Лента Мёбиуса, как внутри
Твоего движенья интересно!
Убежать от яви так любезно,
Позабыть её календари.
Вьётся сложно построенье, вьёт-
ся, играя тайною своею.
Разгадавший, может быть, поймёт
Собственной души идею…

* * *

Как ни поразительно – бесплатно…
И по ленте Мёбиуса мы
Ходим с мальчиком туда-обратно,
Солнце жарит, убивая мысль.
Летом на ВДНХ вельми красиво.
Лента Мёбиуса, как аттракцион.
Бесконечность - наша перспектива,
И притом обыденность - закон.
Мальчику ужасно интересно,
Виден с высоты большой фонтан.
С брызгами открывшаяся бездна,
И водою воздух осиян.
Лента, лента, что ещё в грядущем
Ожидает бедного меня?
Ах, живу теперь одним насущным,
И не жду я будущего дня.
Мальчик рад, сад радости сияет,
Солнце дивно воздух золотит.
Лента обещает,
Что никто на свете не забыт.

Инна ПАРАХИНА

Ставрополь

Инна Парахина г.Ставрополь, Ставропольский край, Россия. Родилась 1985г. В с.Благодатное Ставропольского края. Окончила Светлоградский педагогический колледж. Работает координатором творческого проетапо Ставропольскому краю. Лауреат и дипломант международных, всероссийских и региональных литературных конкурсов и фестивалей. Публикации–Нижегородский литературный журнал «Нижний Новгород», Московский литературный журнал «Джин», интернет-ресурсы, соавтор литературных сборников и альманахов

ВОЗРАСТНАЯ КАТЕГОРИЯ: 18+

Ты бросила жребий — больше себе не лгать.
Вдруг память швырнёт флэшбэк, как зануда бывший.
Дымишь паровозом — это пора менять,
Но так неразборчив шрифт у черты изжившей.

Дождь резким потоком скомкал пути назад,
Похмелье — тяжёлый спутник, но верный друг
И мается разум трезвостью невпопад,
И нём режет остатки грёз изувер— хирург.

Сочувствие недоступно. Наркоза нет.
Беспечность дрожит под маской. Немая дрожь.
Палач улыбнётся властно тебе в ответ,
Вонзая в живые раны холодный нож.

Однажды забитый плач перейдёт на крик
И будет убит палач, и сожжён помост.
Но в зеркале на заре отразится лик,
Что станет на добродетели не похож.

***

Мой призрачный мир тайных грёз и заветных желаний,
Где время щедро. Где секунды не дарят взаймы,
Где нет суеты от мычания лживых признаний,
Где жалкий расчёт не зашорил дурные умы.
Несбыточный мир из бесценных, как вдох, идеалов —
Где жизнь—значит жить, а не значиться в списке живых,
Где край бытия не прельщает отродье шакалов,
Где точно семья, а не записи в акте родных.
Мой сказочный мир, где всё так до безумия просто,
Где мир на земле и все люди остались людьми.
Искомый клочок. Сокровенный, мистический остров,
Я верю — ты есть!
Я прошу тебя — просто прими.

***

Погода — апрель. Календарь демонстрирует лето, —
Но, с твёрдостью духа, туманный стоит альбион,
Он гасит лучи. Белый свет под железным запретом,
В нём эхом далёким отчаянья вслипнет фантом.

И ясность внутри, но безумие рвётся наружу,
И спор бесконечный спалённо—обугленным ртом,
Здесь кто не убит, тот уродливо напрочь контужен,
Смирившись с крестом, упирается в доски ничком.

Попутные ветры не дуют. Бог в помощь?—Едва—ли.
Несутся. Несутся вперёд. Но живут под замком.
Рождают других. На контрасте, где что-то сыграли.
Сценарный погост превращается в тлеющий ком.

А вихри всё бьют, всё впиваются в злобные лица,
Сдирая ожоги, по каменным режут сердцам,
Не зная пути ни с потоком, ни с ветром не слиться
И стынет душа, выставляя счета небесам.

***

Погода — апрель. Календарь демонстрирует лето, —
Но, с твёрдостью духа, туманный стоит альбион,
Он гасит лучи. Белый свет под железным запретом,
В нём эхом далёким отчаянья вслипнет фантом.

И ясность внутри, но безумие рвётся наружу,
И спор бесконечный спалённо—обугленным ртом,
Здесь кто не убит, тот уродливо напрочь контужен,
Смирившись с крестом, упирается в доски ничком.

Попутные ветры не дуют. Бог в помощь?—Едва—ли.
Несутся. Несутся вперёд. Но живут под замком.
Рождают других. На контрасте, где что-то сыграли.
Сценарный погост превращается в тлеющий ком.

А вихри всё бьют, всё впиваются в злобные лица,
Сдирая ожоги, по каменным режут сердцам,
Не зная пути ни с потоком, ни с ветром не слиться
И стынет душа, выставляя счета небесам.

Евгений ТАТАРНИКОВ

Ижевск

Татарников Евгений Феликсович. Родился в Удмуртии в 1959 году. После школы в 1976 году поступил МВТУ им.Баумана, которое закончил в 1982 году и работал на ПО «Ижмаш» в отделе главного технолога, печатался в заводской многотиражке «Машиностроитель» на производственные темы. В 1988 году закончил высшие курсы МВД СССР и был направлен в МВД Удмуртии на оперативную работу, где и проработал до пенсии. Подполковник милиции в отставке. Проживаю в Ижевске. Печатался в альманахе «Ковчег», в журналах: «На русских просторах», «Кольцо-А», «Берега», «Семь искусств», «Белая скала», «Москва», «Южная звезда», «Традиции и Авангард», «Истоки», «Бийский вестник», «Царицын», «Литкультпривет», «Автограф». Любимый жанр – юмористические рассказы. Любимые писатели: Шукшин и Гоголь, Гиляровский. Любимая книга- «Москва и москвичи»

«СТАРЫЙ НАБОР ОТКРЫТОК ИЗ ДЕТСТВА, НАЙДЕННЫЙ НА ЧЕРДАКЕ»

Для основной массы советских людей Маршак оставался детским писателем: «Ученик учил уроки, у него в чернилах щеки… Ягод нет кислее клюквы. Я на память знаю буквы…» — миллионы советских детей учили азбуку по этим удивительно музыкальным, легко запоминающимся строчкам. Современники поэта о нём писали:

«…Восторг у него (Владимира Маяковского – прим. автора) вызывали стихи Маршака. Он не раз повторял строчки из «Цирка» — детской книжки с изумительными рисунками Лебедева. Вы не видели ее, не могли видеть — ее издали до Рождества Христова — в двадцатых годах и единственный раз! Маяковский нараспев — сама слышала, — рубя строки, будто Маршак писал, как он, ступеньками, произносил своим бархатным голосом: ««По проволоке дама идет, как телеграмма...». Я, как идиотка, бегала по лавкам и покупала детские книжки Маршака…», — говорила Фаина Раневская. Самуилу Яковлевичу приписывали немало романов, даже с Фаиной Раневской. Говорят, Раневская как-то призналась Любови Орловой: «Если бы я кому-то и отдалась, то только Маршаку!». Дружба Раневской и Маршака прошла через всю их жизнь. Они познакомились в Ленинграде в конце 1920-х годов, а в 1964 году Раневская была среди тех, кто провожал Маршака в последний путь.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Читатель мой особенного рода:
Умеет он под стол ходить пешком.
Но радостно мне знать, что я знаком,
С читателем двухтысячного года!» (С.Я. Маршак)

«Своих собственных книг для чтения, — писал позже Самуил Яковлевич Маршак, — у меня, как и у большинства моих сверстников, не было никаких. Читал я всё, что находил дома, у соседей или в нашем сарае, куда кто-то из жильцов нашего двора перенёс - очевидно, за ненадобностью - открытый ящик, доверху набитый растрепанными книжками, лишенными не только переплетов и обложек, но иной раз и первых страниц. Я читал книги, часто не зная ни имени автора, ни заглавия. Только впоследствии обнаружилось, что я прочел таким образом «Рокамболя» и «Агасфера», сказки «Тысячи и одной ночи», «Тараса Бульбу», романы Вальтера Скотта...».

Первое стихотворение отец прочитал в тетрадке сына, когда тому было семь лет. Вот оно:

«Один сижу я,
Кругом всё тихо.
Печально с неба
Сияет месяц,
Как будто что-то
Сказать он хочет.
Один сижу я,
Кругом всё тихо».

Ещё Самуил издавал семейные журналы «Чёрт знает что», «Лужица», «У камелька». Он был редактором, братья и сёстры — читателями, а отцу приходилось работать цензором. Когда старший

брат Моня окончил гимназию, в «Лужице» появилось объявление: «Окончивший гимназию с золотой медалью, ищет место дворника». Брат принял это как оскорбление, и цензура в тот же день журнал закрыла.

«…Когда я настолько подрос, что стал понимать сказки, брат Самуил - или Сёма, как мы его называли, брал меня часто с собой гулять и по дороге рассказывал мне длиннейшие истории собственной выдумки. Помню в Ленинграде Московское шоссе, где мы жили на 6 версте, Румянцевский лес и чесменскую богадельню напротив, канавы, покрытые ряской, мостики со скамейками, перекинутые через канавы… Брат покупал у торговки жареные семечки и наполнял ими мои и свои карманы. Запасшись таким способом, мы отправляемся в путь по шоссе и по векам и странам. Помню рассказ об Испании - в духе Вальтер Скотта. Интрига всегда бывала запутанная. И если брату надоедало рассказывать, все действующие лица собирались вместе в одном замке, а в подвале кто-то поджигал бочку с порохом. Я умолял брата не доводить дело до взрыва, но он бывал в таких случаях беспощаден. Бочка взрывалась, все действующие лица погибали, и развязка таким образом наступала сама собой. Думаю, что это был мой литературный приготовительный класс: я видел, как делаются сказки…», — вспоминал младший брат Самуила Маршака, Илья, который был писателем и публиковался под псевдонимом Михаил Ильин. Он внёс значительный вклад в развитие научно-популярного жанра в детской литературе. Многие книги написал в соавторстве со своей женой - Еленой Сигал. Я с детства помню его «Сто тысяч почему» и «Путешествие в атом».

Маршаку было 16, когда опубликовали его первое стихотворение. «Мне в редакции установили по 10 копеек за строчку», — писал он Стасову. На первый гонорар Самуил свозил двух младших сестёр Заю и Дудочку в Народный дом на спектакль. Трёхрублёвого гонорара серебром хватило на места на галёрку, щи со сметаной в антракте, портреты сестрёнок, которые рисовал ногами безрукий художник и извозчика.

На девяностолетии Маршака вышел Сергей Михалков и сказал: «Если бы не Маршак, такого писателя как Михалков не было бы». И это правда. Маршак воспитал самых лучших авторов – это Житков, Бианки, Белых, Пантелеев, Ильины, Шварц, Михалков, Хармс.

«На чердаке в ином миру…»

Как-то недавно залез я на чердак старого дома, что стоит у нас, как модно сейчас говорить на даче, а у нас на Урале говорят просто – на садоогороде. На этом чердаке лежит всё, что в квартире для них уже нет места, а выбросить жалко, поэтому там скопилось множество журналов, начиная от «Роман-газеты», «Моделиста-конструктора» и кончая «Огоньком». Иногда вечером, пропустив пару рюмок «крепкого чая», когда начинает играть озорной огонёк в глазах, я поднимаюсь на чердак, подальше от глаз жены и начинаю перебирать журналы и это занятие мне доставляет истинное удовольствие. В этот раз мой зоркий и цепкий взгляд упал на деревянную ажурную этажерку, она ещё помнит первый полёт Гагарина в Космос, а я её помню столько же, сколько и себя и вообще у меня с ней связаны только светлые воспоминания. Я открыл выдвижной ящик и среди разный наборов открыток городов, обнаружил интересный набор открыток «Про всё на свете» - Азбука в стихах и картинках (28 открыток). Тираж 1 млн. Стихи на открытках С.Я.Маршака. Достал наугад открытку и читаю: «Таракан живёт за печкой, то-то тёплое местечко». Это буква «Т». Следующую достаю: «Мёд в лесу медведь нашёл, мало мёду, много пчёл». До чего всё просто и понятно. Я вспомнил эту весёлую азбуку Маршака, её мне купил отец, когда я учился уже в 3-м классе. То ли он забыл, в каком я классе учусь, то ли у него было хорошее настроение после получки – зарплаты на заводе. Это было в 1969 году, поэтому по этим открыткам я азбуку не учил, а только разглядывал картинки, они были весёлые, как и журнал «Весёлые картинки», который мне выписывали родители. Через 20 лет азбуку по этим открыткам учили уже мои сыновья.

— Ходит по лесу хорёк, хищный маленький зверёк, — читал я, — Ну, Феликс, какая это буква?

— Пап, это буква «Ли».

— Феликс, почему?

— Потому что на картинке нарисована рыжая лиса…

— Жень, ты чё там на чердаке уснул что ли после своего чаю? Давай спускайся уже, фильм интересный по 1-му качалу начинается, — услышал я голос жены снизу, с первого этажа.

— Юнга - будущий матрос, южных рыбок нам привёз, — читал я на открытке, представляя себя первоклашкой и спускаться куда-то вниз, чтобы посмотреть по телевизору очередную муру, мне совсем не хотелось. Я посмотрел в окно, а там, вдали, «ель на ёжика похожа: ёж в иголках, ёлка тоже».

«Воспоминания из детства…»

Вспоминаю середину 60-х годов, один эпизод из своего детства. Мне 5 лет я стою с отцом у деревянного павильона с вывеской «Пиво - воды» и пью из гранёного стакана газировку с грушевым сиропом, а отец из большой стеклянной кружки какую-то рыжеватую воду, сверху которой красовалась большая «белая шапка», как облако, отец дул на неё и как ребёнок радовался, когда она разлетелась в разные стороны и, долетев и до меня, опустилась мне на голову.

— Правда, дети, я хорош?…Пап, не помнишь, как дальше?...

Отец сначала чуть не поперхнулся своей «рыжей водой», а когда откашлялся, сообразил что к чему и выдал:

— На большой мешок похож. На морях в былые годы обгонял я пароходы. А теперь я здесь в саду, тихо плаваю в пруду.

Мужики, стоящие рядом с нами, с полными кружками «рыжей воды», покосились на отца, не понимая, что он там пробормотал и в «в своём ли он уме». Отец стоял довольный, что вспомнил стишок про пингвина, который он мне читал недавно из книжки Самуила Маршака «Детки в клетке».

— Мой отец — степной шакал, пищу сам себе искал… Пап, как дальше?

— Далеко в стране песчаной провожал он караваны. И в пустыне при луне громко плакал в тишине, — на одном дыхании выдал отец.

А мужики, услышав про отца - шакала, отошли от нас подальше, думая про на нас: «Да, ну – их…».

Так мы и стояли, вспоминали всякие детские стихи дяди Самуила, пока не вспомнили, что нам пора домой, где обоим будет взбучка от мамы.

— Пап, где обедал, воробей?

— В зоопарке у зверей.

— Пап, …сел он утром на кровать, стал рубашку надевать…

— В рукава просунул руки, оказалось, это брюки, — продолжал за мной отец.

И, дойдя до дому, мы прочитали наизусть всего «Рассеянного».

Открыв дверь в квартиру, отец с порога сказал маме:

— Как у наших ворот за горою, жил да был бутерброд с колбасою…

— Пап, это уже не Маршак, а Корней Чуковский.

— Жень, я их всё время путаю.

— Вы, чё такие весёлые пришли?...Никакой колбасы у нас дома нет, руки мойте, будём есть жареную картошку с луком, — сказала мама и мы с отцом обрадовались, что никакой взбучки нам не будет.

— Жень, ну, сколько ещё тебя можно, звать?… Слазь уже с чердака, картошка жареная уже остыла, — услышал я настойчивый голос жены и слез с чердака, вспоминая, что когда-то давно я уже это слышал. И пошёл зачем-то в сарай. Ну, совсем на старости лет стал рассеянный и забывчивый. Ну, просто, как Маршак, про которого утверждали, что он добавил в образ человека рассеянного и свои черты, ведь он также был весьма забывчив.

ЭПИЛОГ

Как-то Маршак в шутку спросил 5-летнего сына Якова, чьи стихи ему нравятся больше – его или Пушкина. Малыш молчал. Тогда отец пошутил: «Пушкин не обидится». Сын подумал и сказал: «Ты обидишься».

«Не мало книжек выпущено мной,
Но все они умчались точно птицы
И я остался автором одной
Последней, недописанной страницы».

Осталось только узнать, какой.

Но есть у Маршака, наверное, незадолго до смерти, две строчки, быть может, единственные:

«Как призрачно мое существованье!
А дальше что? А дальше - ничего...
Забудет тело имя и прозванье, -
Не существо, а только вещество.
Пусть будет так.
Не жаль мне плоти тленной,
Хотя она седьмой десяток лет
Бессменно служит зеркалом вселенной,
Свидетелем, что существует свет…».

Людмила БРАГИНА
Белгород

Брагина Людмила Петровна родилась в 1967 году в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Создатель и бессменный руководитель (с 1997 г) молодёжной литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея. Автор четырёх поэтических книг, сборника песен, многочисленных коллективных сборников. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член союза журналистов России. Член Союза писателей России.

СВАДЕБНЫЙ ПОДАРОК

По центральной аллее городского парка культуры и отдыха имени Ленина шёл молодой лейтенант в парадной форме цвета морской волны. На его чёрных туфлях играли солнечные блики, на новеньких погонах лучисто сияли звёздочки, а на кителе сверкали наполированные до зеркального блеска пастой ГОИ пуговицы, значки и жетоны. Он с удовольствием ловил заинтересованные взгляды встречных прохожих и счастливо улыбался. Сегодня Стас решил сделать Лиде предложение.

Он выпустился из харьковского военного училища одним из немногих холостяков. Его друзья переженились на втором и третьем курсе, а к Стасу каждые выходные то вместе, то порознь приезжали родители с огромными сумками продуктов, которыми можно было откормить целый взвод. И получалось, что все увольнительные он проводил с родными.

Потом его распределили служить в Белгород, и предки начали доставать своим зудением и ярмарками невест, периодически возникавшими без его ведома.

Последней каплей, стала партизанская вылазка его бабки, которая пригласила семью сына отмечать Новый год у неё под предлогом что старой и больной женщине вряд ли доведётся встретить следующий...

Утром тридцать первого Стас вернулся с суточного дежурства, и хотел сначала отоспаться, но родители в один голос начали галдеть и уговаривать. И он поддался. Как только Стас согласился, мать сунула ему в руки мусорное ведро, потому что нельзя оставлять сор в новогоднюю ночь. Пришлось спускаться вниз, выходить во двор и топать к контейнерам. Потом она попросила помочь развесить мишуру, хотя нафиг её вешать, если собрались идти в гости, а затем ещё потянула сына в магазин за подарками бабуле.

Отношение к бабке Степаниде у Стаса было двойственное. Она была не из тех женских жертвенных натур, которые посвящают себя пестованию единственного внука. Выйдя на пенсию, Степанида продолжала держаться за свое многолетнее притёртое место вахтёра железной хваткой. Сидела с внуком только при чрезвычайных обстоятельствах после слёзных просьб и всяческих задабриваний невестки и сына.

Стаса рано отдали в детский сад, и он часто болел. Мать работала на крупном предприятии. О том, чтобы каждый раз уходить с сыном на больничный не могло быть и речи. От таких работников избавлялись не церемонясь, ведь повод найти было не сложно. Поэтому, когда все допустимые начальством лимиты заканчивались, просили бабушку.

Степанида отчитывала нерадивых родителей за изнеженность отпрыска, брала отгулы, и сидела с больным внуком. Но смирятся со своей изоляцией она не собиралась. В первый же день у неё организовывался штаб: охранники и вахтеры, отдежурившие смену, приходили к ней с докладом. Стас помнит, что все бабушкины коллеги были мужчинами. Может быть из-за усов у некоторых из них, они казались мальчику дедушками, но вскоре он изменил своё мнение.

Это были здоровые, рослые заводские мужики. Они приносили с собой маленький гостинчик в виде кулька карамелек для Стаса и неизменную поллитровку к столу. Осторожно пожимали его маленькую бледную ладошку или трепали по макушке, а дальше он вливался в их коллектив на общих правах. Бабушка Степанида была под стать своим гостям: высокого роста, громогласная, с командирскими ухватками. После просмотра мультика о знаменитом Дяде Стёпе-милиционере, Стасик с радостью поделился с миром открытием: «А у меня баба Стёпа!» Определение было настолько точным, что безоговорочно прошло, как аксиома.

Взрослая память сохраняет и соединяет обрывки разрозненных эпизодов в одну условно достоверную картину. Обсуждение рабочих и международных новостей обычно происходило на кухне. Бабка наливала Стасику, как взрослому, полную тарелку борща и давала любимую деревянную ложку. Для коллег к наваристому первому блюду шустро разливалась по рюмкам беленькая.

От шума грубых голосов и синего дыма папирос у Стасика слезились глаза и кружилась голова, но было интересно ощущать себя частью коллектива. Потом фигуры расплывались, баба Стёпа вставала, громко командовала и хрипло смеялась… На пороге неожиданно появляется отец, который кричит ещё громче, хватает бабиных гостей

за шиворот и выталкивает их в коридор, потом долго ругается с бабой Стёпой и дальше в воспоминаниях Стаса большой пробел, много лет потом они с бабушкой не общались...

2

Когда баба Стёпа открыла дверь, то её гостей, сына, невестку и внука, сразу накрыло мощной волной какого-то давно забытого ядрёного советского одеколона, от которого отступались даже комары. Стас отметил, что к её, как всегда, однообразному и бодрому виду добавилась ещё ядовито-малиновая губная помада и завитые концы на коротких седых волосах. «Не в третий ли раз собралась замуж бабуля?» — усмехнулся он про себя, готовясь увидеть в комнате нового усатого кавалера.

Пока они втроём с родителями неуклюже толкались в тесной прихожей, где и одному-то не развернуться, пытаясь раздеться и снять обувь, завалили вешалку. Бабка только клацнула зубами.

— Головыбы вам надо оторвать и в кастрюлю кинуть, да уже холодец сварила! Вот ведь гости… Натоптали, оборвали, всё поваляли!

— Что ты, мать, тут всё позаставила, понавешала, склад говна и пара устроила?! — вспылил отец пытаясь приладить вешалку на место и поднять с пола образовавшуюся кучу малу из одежды, шапок и сапог.

Стас кинулся помогать, радуясь про себя, что не надел новую шинель. Только представив её, серо-стальную, из чистошерстяного сукна, с погонами и аксельбантами, на полу, испачканном грязными лужицами подтаявшего снега, он содрогнулся.

Мать Стаса, пытаясь загладить неловкость, полезла в сумку за подарками, купленными для любимой свекрови.

— Не сердитесь на них, медведей, Степанида Агафоновна! Им и в степи бисова теснота! С наступающим! Это вам отрез на новое платье, а это к столу.

Она протянула коробку конфет «Птичье молоко» и баночку кубинского растворимого кофе Pele.

Степанида, цепко прощупывая пальцами пакеты, немного смягчилась, и пропустила их в комнату, бурча:

— Да проходите уж, варвары…

На диване за празднично накрытым столом сидели две незнакомые женщины. Помладше, примерно одних лет со Стасом, и постарше — ровесница родителей.

Отец поднял брови и присвистнул:

— Та-а-ак, а гости все уже в сборе…. Откуда вы гражданочки?

— Вов, ну ты ещё документы спроси, что ж ты такой галантный… — опять заволновалась с извиняющей улыбкой мать Стаса.

Бабка довольно хмыкнула:

— Родная кровь! Во всём порядок должен быть! Это мои дорогие соседушки, вместе сегодня праздновать будем.

— Ну так знакомь, чего мы стоим?

Соседушек звали Лена и Тамара Ивановна, они приходились друг другу роднёй в первой степени — «яблочко от яблоньки». И пока бабка разыгрывала стульями и табуретками гроссмейстерские этюды — кого куда посадить, вскрылась истинная подоплёка её затеи.

Стас оказался напротив Лены, родителей хозяйка расположила по бокам, свои тарелку и приборы поставила во главе стола.

Бабка заговорщицки поманила его на кухню.

— Пойдём, поможешь мне кастрюлю принести.

Закрыв за внуком поплотнее дверь, начала громким шёпотом разворачивать экспозицию:

— Тамарка работает в магазине «Мебель», хоть стол, хоть диван, а если зятю, — тут бабка понизила голос, подняла вверх указательный палец, а потом направила его Стасу в лоб, — то и стенку румынскую может достать. А в наши времена, когда в магазинах шаром покати, это самое что ни на есть блатное место. И Леночку она тоже к себе пристроит. Так что приглядись и долго не тяни. Действуй.

Следовательно, уяснил Стас, его опять развели, и он опять попался, повёлся на их удочку. Ну раз уж так случилось, он решил выжать из ситуации максимум дивидендов. Время близилось к одиннадцати, по телеку нарезали круги, крутили двойные и тройные тулупы грациозные фигуристы. По традиции сели провожать старый год. Стас как поел ещё в части, рано утром, так за всей этой суматохой не пообедал и не поужинал. Поэтому аппетит у него был зверский. Он набросился на холодец, салаты, горячее. Сначала бабуля смотрела на внука с одобрением, приговаривая: «как ест, так и работает», но потом, увидев, как он широкой полосой опустошает тарелки, она спешно остановила его: «Будет, Стасик, не снег чистишь! Скажи тост!».

Запыхавшись, он положил вилку, взял бутылку шампанского, снял фольгу и начал раскручивать проволочную корзинку. Бабка тем временем, повернувшись к внуку лицом, косила вытаращенными глазами в сторону потенциальных тёщи с невестой. Вероятно, она пыталась тонко намекнуть, чтобы он поухаживал за ними, но Стас не понял, и вопросительно уставился на её гримасничающее лицо. В это время раздался хлопок, и пробка вылетела в недавно побеленный потолок, а за ней, как хвост за кометой, пенная струя. В один миг всех сидящих за столом накрыло сверху фонтанным ливнем.

— Что ж ты делаешь, паразит! – вне себя заорала бабка.

— Наклонять надо было бутылку! — запоздало просвещали родители — любители альтернативной истории.

Стас ещё больше растерялся и наклонил, направив горловину на соседок, сидящих напротив. Нагревшееся шампанское, как из брандспойта выплёскивалось на скатерть, на их нарядные платья, бурлило и клокотало, радуясь свободе. Гостьи вскочили, но бежать было некуда. Они стояли и визжали на два голоса, как резанные, пока отец не выхватил у сына из рук бутылку.

Потом, успокоившись, обтеревшись полотенцами, разделив на всех остатки шампанского, выпили по трети бокала.

— Берегла на новый год, «Советское», спасибо внучек пришёл…

— А что ж ты, мать, его сразу на стол поставила? Лучше б самогонки сначала выпили, а потом газировкой полирнули!

— Да, думала, чтоб градус не понижать. Кто ж после самогона шампаньское пьёт?

— Да ничего, мы сейчас и выпьем, для сугреву, а то не просохнем никак, — подала голос потенциальная будущая тёща.

Лена всё не выпускала из рук полотенце и настороженно поглядывала на Стаса.

А его вдруг резко потянуло в сон. В желудке уютно потеплело, щёки порозовели, глаза осоловели, веки, как жалюзи, кто-то упорно тащил вниз. Стас обхватил отяжелевшую голову руками, и, как только бабка вышла на кухню за банкой самогона, заснул прямо за столом. Да так крепко, что ни родители, тормошившие его за плечо, ни

возмущённо бухтевшая бабка, не смогли потом его выдернуть из лап Морфея. Проснулся лейтенант уже под утро, в статусе врага народа.

— Это ж надо было так нас опозорить! — гневно клацала вставной челюстью хозяйка. — Я таких приличных гостей пригласила, невесту завидную ему нашла, а он мне в душу наплевал, все стены и потолок перегадил, а им платья. Теперь весь двор будет говорить, что ты алкоголик, от ложки шампанского уснул!

— Ба, ты же говорила, что умрёшь в новом году, поэтому я и пришёл, — спросонья ляпнул Стас, протёр глаза и взорвался, — А я тебя просил их приглашать? Я что, убогий какой или дурак совсем? Да за меня любая пойдёт! Хватит с меня ваших невест, сам найду.

Вот после этого судьба и улыбнулась ему, ласково и щедро, как сказочному Ивану-царевичу. И случилось это как раз здесь, на главной аллее центрального парка.

Пару дней назад ему позвонил Вовка. Они вместе учились в одной школе в параллельных классах, а потом вместе поехали в Харьков поступать в училище. И оба прошли по конкурсу, и оба в одном взводе прослужили от полевых лагерей и КМБ до прощания со знаменем.

— Есть предложение на майских зашашлычиться у меня на даче в нашем тесном кругу. У тебя как с дежурствами?

— Да вроде свободен.

— Порядок в танковых войсках! Пойду позвоню всем нашим с роты, узнаю, кто на месте. Наташка своих подружек обещала позвать.

Стас хмыкнул про себя, ясно для кого старается. Хотя, собственно, с чего это он так решил? Наверняка, Наташка распишет подружкам его портрет маслом, а те устроят сафари с томными взглядами, вздохами, а как подопьют, то потом всем троим должен будешь.

Стас вспомнил, как сама Наташка захомутала Серёгу на первом курсе, чуть ли не в первую увольнительную. А на третьем уже с маленьким сыном забирала на выходные. А, как известно, подруги секретами делятся.

— Вы б мне лучше оклад полковничий позвали… Ладно, что взять зажевать, запить?

— Давай завтра созвонимся, будем знать, сколько нас будет и решим.

3

Она не спеша шла ему навстречу в невесомом нежно-голубом платье, вся освещённая и пронизанная солнцем. По её плечам легкими волнами струились длинные каштановые волосы. Красивое лицо, как цветок, устремлено к солнцу. Онато слегка по-кошачьи прищуривала свои янтарные глаза, то всматривалась во что-то перед собой, как будто вела с ним приятный разговор. Юная, стройная, светлая. Стас попытался встретиться с девушкой взглядом, но она, продолжая свои солнечные беседы, проплыла мимо.

Лейтенант забыл куда шёл. Какая-то внезапная сила развернула его в противоположную сторонуи повлекла за девушкой. Плавные движения её лёгкой фигурки отзывались электрическими вибрациями в его сердце и во всем организме.

Сладкая лихорадка в крови не утихала несколько месяцев. Потом Стас пригласил Лиду на свой день рождения домой, предложив отпраздновать в тесном домашнем кругу. Родители дружно одобрили его выбор и даже завели разговор о планах на будущее, раскрывая перед девушкой светлые перспективы чуть ли не генеральской карьеры сына.

— Но, — отец многозначительно поглядел на гостью и сделал выразительную паузу, — чтобы генеральшей стать, надо за лейтенанта замуж выходить. Как в фильме «Москва слезам не верит», смотрела?

— Смотрела, хороший фильм, — простодушно ответила Лида.

Она очаровательно улыбалась, краснела, опускала глаза, щебетала, как милая, славная птичка. Хищницы в ней не чувствовало даже ревнивое материнское сердце. Отец Стаса тоже как-то обошелся без грубоватых шуточек, мягко посматривал на юную избранницу, находя в ней всё новые достоинства: городская, не вертихвостка, серьёзная, учится на педагога, спокойная. Узнав, что Лида живёт вдвоём с мамой, которая работает на одном предприятии с его женой, прямо обрадовался: «И это хорошо». Никто, конечно, не идеализировал вопль души Димы Семицветова: «Женится надо на сироте», но куча родственников из Кукуево — кошмар многих городских родителей.

4

По пути в гости к невесте Стас зашёл на Центральный рынок за большим букетом красных бархатных роз и тортом. Он предлагал чаепитие тет-а-тет, но Лида, большая любительница обрядов, кокетливо улыбнулась и мягко, но твёрдо обозначила свою позицию: «Ты должен поговорить с моей мамой, я у неё одна!»

Стас не возражал, находя в соблюдении традиций какую-то особенную пикантность.

У Лиды, конечно, был свой план на эту встречу. Одна легкомысленная её подружка уверяла, что вышла бы замуж только ради того, чтобы эффектно появиться перед восхищёнными гостями в шикарном белом платье. Чтобы все ахнули, а потом музыканты играли бы марш Мендельсона, а она вся такая королева Дворца бракосочетания кружилась в вальсе в ослепительно ярком свете…

Лиде же хотелось, чтобы её избранник пришёл к ним в дом и, как в старинные времена, попросил её руки и сердца у родителей. Поскольку отца у неё не было, за согласием и благословением он должен был обратиться к маме. Чтобы избежать каких-либо казусов и дать возможность без спешки подготовиться, она предупредила маму о цели визита Стаса за неделю.

По поводу вступления в брак Лида сильно не беспокоилась — вдвоём с мамой жилось вполне комфортно, часики не тикали, а время определялось по солнцу и первому троллейбусу. Она чувствовала и знала, что будет так, как она захочет, хоть сейчас, хоть через любое время. О Станиславе она думала спокойно, немного скучно. Иногда на бумаге записывала его плюсы и минусы, а потом, словно доказывая теорему, приводила доказательства, что это правильный выбор. Хотелось именно ритуала сватовства, помолвки, а свадьбу можно было назначить на более отдалённое время, когда, например, она отучится, найдёт работу, получит первую зарплату…

За неделю Лида навела дома идеальный порядок, сходила на маникюр и напекла творожных пончиков к чаю.

А вот мама за эту неделю успела напереживаться. Как вести себя, что говорить, спрашивать. С чужими людьми вроде соседок или коллег по работе такое не обсудишь, а из родных у неё была только одна старшая сестра и племянница, старше Лиды на восемь лет. В пятницу мама не выдержала и позвонила.

— Ларисочка, очень надо поговорить, по важному делу. Давай сегодня после работы встретимся.

— Обязательно, а что случилось? — в голосе сестры послышалась тревога.

— Да вроде всё хорошо, но что-то я сама никак не дам ладу…

5

Едва Стас нажал кнопку звонка, дверь распахнулась, и возникла сияющая улыбкой Лида.

– Ах, какой ты сегодня праздничный!

Стас максимально церемонно вручил будущей невесте букет и торт.

— Не держи гостя на пороге, проходите…

К нему навстречу вышла Лидина мама, очень миловидная, стройная, с короткой аккуратной стрижкой, которая очень шла ей. Цвет волос и глаз у них с Лидой был полностью одинаковый, рост тоже, да и фигуры очень схожи. Но общее впечатление было разным: Лида тёплая, журчащая, искрящаяся и переливающаяся внутри, а мать тихая, сдержанная, словно окутанная прохладной туманной дымкой.

Стас поклонился, представился и только собрался ещё немного поразмышлять об этом интересном явлении, как услышал вкрадчивый и одновременно чуточку насмешливый женский голос.

— А мы тут сидим и думаем: что за генерал к нам пожаловал? А это же наш сосед!

— А, помнишь, Стасик, как ты маленьким, толстеньким и конопатенькимв наш двор на качели бегал?

Стаса бросило в жар, он покраснел и растерялся. Его рассматривали в упор ещё две пары таких же карих, цвета гречишного мёда, глаз. Лида весело рассмеялась.

— Стас, познакомься, это моя единственная тётя Лариса и двоюродная сестричка Светочка, тоже единственная.

«Просто ксерокс какой-то, очень сильная женская линия», — Стас обводил их очумевшим взглядом и дивился схожести этих разных по возрасту женщин.

— Ага, на качели… — с ехидцей подхватила Светлана, – этот он нашу Лидочку бегал высматривать. И правильно делал, наша Лида лучше всех!

— Ну присаживайся к нам, видишь, в какой цветник ты попал!

Стасу налили чаю и отрезали самый большой кусок торта.

Он отпивал глоток за глотком, жевал кусочек за кусочком, а сам напряжённо думал: «Как-то странно всё вышло. Сидим за столом, говорим о пустяках. Как начать? Пора или не пора?» И чтобы не множить эти вопросы, он решительно встал.

— Я не есть сюда пришёл.

Получилось как-то резковато. Хотел себя подбодрить, а вырвалось вслух. Ну, ладно, теперь только вперёд. Стас одёрнул китель, расправил плечи и, почтительно глядя на Лидину маму, громко и чётко начал.

— Уважаемая Людмила Васильевна, я хочу поблагодарить вас за то, что вы родили и воспитали самую прекрасную на земле девушку — вашу дочь.

Лидина мама порозовела от волнения. Она складывала из салфетки какую-то фигурку и, чуть наклонив голову, сосредоточенно слушала.

Ободрённый её вниманием, Стас продолжил.

— Я очень рад, что мы с Лидой, оказывается, знакомы ещё с детства и снова встретились. Это знак судьбы. Я очень её люблю и сейчас хочу попросить выйти за меня замуж. И ещё вашего родительского благословения на наш брак.

У Лиды ёкнуло сердце, все чувства смешались и заговорили разом, просясь наружу. Она вопросительно посмотрела на маму. И тут раздался спокойный голос тёти.

— Вот как красиво надо делать предложение! Молодец, Стасик. Позволь мне на правах старшей в нашей семье, задать тебе один вопрос?

Не дожидаясь ответа, она уверенно продолжила.

— «Люблю» это, конечно, хорошо. Это дело нужное. Но подумай сам: подходящее ли ты выбрал время, чтобы жениться?

Стас вытаращил глаза.

— То есть?

— Если ты хочешь стать членом нашей семьи, то должен принять наши правила. У нас в семье две невесты на выданье. Ты же понимаешь, сначала мы должны сыграть свадьбу Светочке. А Лида ещё учится, есть смысл подождать со свадьбой и узнать друг друга получше.

Она повернулась к сестре, окутывая её гипнотическим взглядом:

— Правильно я говорю, Людмила?

— Конечно, — с готовностью закивала та, — сначала надо доучиться. Потом тяжело будет, если семья…

Стас разволновался, причём тут вообще Светочка, он ей не устанавливает, когда и за кого замуж идти. Домостроем каким-то попахивает. Он открыл было рот, чтобы возразить, но Лариса Васильевна мягко остановила его внутреннее бурление.

— Это же не семь лет ждать. И те показались Иакову, как несколько дней, потому что он любил Рахиль. Всего годик потерпите. У нас есть для вас тоже хорошая новость. У Светланы через месяц будет свадьба. Вчера молодые подали заявление. Так что приглашаем вас быть свидетелями. Заодно опыта наберётесь, поучитесь, как надо.

Светка важно кивнула и покровительственно улыбнулась.

6

Где-то через неделю, возвращаясь вечером со службы, Стас возле дома нос к носу столкнулся с Лидиными родственницами. Они оживлённо что-то обсуждали, пребывая в отличном настроении.

— Какая встреча, Стасик! Скоро генеральские погоны будем обмывать?

— Звёздная болезнь — это всегда плохо, особенно у генералов, — отшутился Стас, кобчиком предчувствуя какой-то скрытый подвох.

— Ну, что вы с Лидой к свадьбе готовитесь?

Стас вздохнул.

— А что ты вздыхаешь, свидетелям тоже надо поработать, проследить, чтобы молодые ничего не забыли, организовать выкуп, чтоб весело было. Мы тут уже с ног сбились, столько всего нужно купить — и шляпку, и перчатки, и платье, да не абы какое! А сам знаешь, какие в магазинах висят, ими полы мыть противно, а не то, что на единственную доченьку-кровиночку надевать в такой день!

— Мама, успокойся, тебе вредно волноваться, — подключилась Светка, — мы завтра с Серёжей пойдём в салон и всё купим! Нам же открытку дали в ЗАГСе.

— Какую открытку? — поинтересовался Стас.

— Только для молодожёнов, — снисходительно объяснила Светлана, — в универмаге «Белгород» салон на

втором этаже, туда так просто даже не зайдёшь. Там всё есть, но по этой открытке можно брать только по одному предмету. Они отмечают у себя: одни туфли, одни босоножки, одни ботинки, один костюм, ну и так далее. Мы там всё выберем, что можно!

— Правильно, детки мои любимые! Вот только жаль, что из продуктов там ничего нет. В магазинах хоть шаром покати, а гостям же так не скажешь! Ох, времечко, строили-строили, теперь перестраиваем!

— Ладно, пошёл я, всего вам доброго, а то мне ещё завтра на службу.

— Как на службу, завтра же суббота?

— Да дежурство у меня завтра в обкоме. Со всей области партхозактив собирается, нас дежурить отправили, охранять их.

Родственницы быстро переглянулись.

— Партхозактив, говоришь? Это ж они целый день прозаседают, проголодаться не раз успеют, а кормить их будут хорошо.

Стас уныло кивнул.

— Тебе, Стасик, предоставляется великолепная возможность отличиться и проявить свои качества: на свадьбе обязательно должна быть икра.

— Да где ж я её возьму?

— В буфете! Все знают, что там у них всегда бутерброды с красной икрой. Нам хлеб не нужен. Ты завтра возьми с собой баночку из-под майонеза и чайную ложечку, купи бутербродов штук двадцать, и аккуратно, по икриночке, чтоб не раздавить, собери! Какая свадьба без икры? А для тебя это шанс получить в жёны нашу Лидочку!

Стаса словно током ударило. Ему показалось, что это какой-то морок — вокруг его всё искривляется, завихряется, мысли у него спутались, голова стала чугунной.

— Вы смеётесь надо мной?

— Какой смех?! Свадьба приближается! Что за безответственное отношение?

— Чтобы я, офицер, при всех ложечкой икринки в баночку сцарапывал?! Да что вы за люди такие?! Да откуда вы взялись на мою голову! — вскричал возмущённый Стас.

— Как это откуда? Лида про нас ничего тебе не рассказывала? Мы из Кременчуга, Стасик! Тебя ещё на свете не было, когда мы приехали! Так что мы почти коренные белгородцы.

— Да хоть марсиане! Не могу я на такое пойти! Душа — Богу, сердце — женщине, долг — Отечеству, честь — никому!

— Стоп, больше пуда не молоть! Иди и подумай, что мы тебе сказали. Мы на тебя надеемся.

Когда Стас скрылся в подъезде, Лариса Васильевна задумчиво пожала плечами:

— Какой-то он странный.

— Вот-вот, зачем нам его честь, тоже ещё придумал, — хмыкнула Светка.

7

Стаса всего трясло. Он в бешенстве прокручивал их разговор заново и его мутило от негодования. Особенно возмущал намёк, что без этой проклятой икры он не получит в жёны Лиду. Он открыл холодильник, достал непочатую бутылку «Столичной» и резко крутанул крышку. Налил полстакана и выпил, не закусывая. Медленно выдохнул, походил, сел, сделал бутерброд с варёной «Докторской» и налил ещё столько же. Настроение не улучшилось, но гнев притупился. Стараясь не думать про завтрашний день, Стас лёг на диван и почти сразу забылся тяжёлым сном.

...«Волги» стекались к обкому тонкими струйками. Они останавливались у парадного крыльца, исторгали из своих салонов наружу похожие друг на друга тела, в туго сидящих пиджаках, и плавно отъезжали на стоянку.

Стас смотрел мутным взглядом в окно и слушал шторм в своей голове. Опустив хвост в морскую пену, губастая женщина-рыба в телевизоре пела разгульным голосом:

— В море ветер, в море буря, в море воют ураганы, В синем море тонут лодки и большие корабли.

Стас нажал кнопку рации: «Приём. Заступил на пост…»

Зал заседаний был ещё пуст, делегаты толпились в фойе, обмениваясь опасливыми рукопожатиями и испытующими взглядами. Курящих в неустановленных местах, как и других подозрительных лиц, не наблюдалось. Тогда Стас, крадучись, спустился по лестнице на цокольный этаж. Коридор заканчивался двойными стеклянными дверями, над которыми светились и пульсировали ярко-синие неоновые буквы — БУФЕТ.

Стас в испуге остановился и потёр глаза. Буквы погасли. И вот он возле стойки. Прямо перед ним большие тарелки с заветными бутербродами. На каждом белом ломтике ноздреватого хлеба, намазанного сверху щедрым слоем сливочного масла, красовалась рассыпчатая, огненно-оранжевая икра. Ни официантов, ни посетителей в зале не было.

Стас молниеносно выхватил из-за голенища хромового сапога столовую ложку, а из глубокого кармана галифе майонезную баночку, и начал аккуратно собирать в неё прозрачные, упругие икринки.

И тут на его запястье, как браслет наручников, сомкнулась костлявая рука, обросшая густыми и курчавыми чёрными волосами. Стас обмер. Эта хватка могла принадлежать только одному человеку — командиру части полковнику Череповскому.

— Отставить, лейтенант Головнёв! Следуйте за мной в канцелярию.

У стены, за столом, покрытым красной материей, сидели замполит майор Косточка и командир роты капитан Могилка. «Похоронная команда», так за глаза все называли их в части.

Череповский вытащил из одеревеневших пальцев Стаса вещдоки — баночку и ложку, и поставил перед ними.

— Полюбуйтесь, чем наши офицеры на дежурстве занимаются!

— Богатый термосок, — оживился Могилка.

Полковник нахмурился.

— Лейтенант, вы совершили двойное преступление. Мало того, что вы самовольно оставили пост, нам ещё по рации ваш голос показался подозрительным, так вы ещё покусились на самое святое. Государство ничего не жалеет для поддержания и восстановления сил народных избранников, слуг народа, которые, не щадя себя трудятся на благо страны, а вы…

— Я тоже часть народа, — слабо подал голос Стас.

— Отставить возражения, лейтенант! Я собственноручно застал вас за хищением икры. Вот этой вот ложкой, — Череповский занёс её над головой Стаса, как саблю, — и вот этой вот банкой вы опозорили честь офицера! Я давно за вами наблюдаю. Ваши солдаты на партизан похожи, вечно в мелу каком-то, побелке, как мельники! Кантики не выбриты, шеи заросшие! А подворотнички! У меня сапоги чище! Вам Родина их доверила, а вы их бросили, и глупостями маетесь! Сами, как в штаб зайдёте, перед зеркалом крутитесь, не оторвать.

— Верно, товарищ полковник. А какой бардак творится у солдат в тумбочках! Пачки газет, журналов: «Советский спорт», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», даже «Сельская жизнь»!

— Так, товарищ майор, я с ними и политинформации провожу, и просвещаю, чтобы они в курсе новостей страны были…

— Лейтенант, — патетически повысил голос Косточка, — у солдата должна быть только одна газета — «Красная звезда» и здоровый сон, это я вам, как замполит говорю.

— Да они к вечеру уже с ног все валятся, отрубаются как убитые, — поддержал капитан Могилка, — весь день то полы от шпаклёвки стёклышками отчищают, то стены тряпками моют. Я думал выйду из отпуска, забуду про этот проклятый ремонт, ан нет! Пришёл к тому, с чего и уходил!

— А мы ещё разберёмся, почему у нас в ленинской комнате портрет вождя висит криво! И накажем по всей строгости! — исходил ядовитой лимфой майор Косточка.

Командир части взял в руки банку с икрой, зловеще прищурился и посмотрел её на просвет.

— За каждую присвоенную икринку, лейтенант Головнёв, по три дежурства тебе! Ты у меня будешь дежурить везде и всегда! Первого мая, девятого мая, на седьмое ноября и на восьмое марта! На Новый год! До конца службы!

8

Стас проснулся весь в поту с колотящимся сердцем. Грозный голос полковника Череповского в голове становился глуше, мягче и, наконец, умолк. В комнате стояла глухая тишина, за окном непроглядная темень.

«Тьфу ты ж, вот напасть, - Стас со стоном зажёг ночник, - три часа! Ни днём, ни ночью покоя нет». Вытер простынёй лоб, поставил будильник, лёг снова...

На этот раз пробуждение было неожиданно лёгким. Бравурно напевая: «были сборы недолги, сели в чёрные Волги», Стас побрился, плеснул одеколон «Консул» на ладони, похлопал себя по розовым, чистым щекам, потом провёл по волосам.

Цитрусы бодрили, древесные ноты уравновешивали, настроение было хоть сейчас легион набирай, возглавляй и в бой веди. Он обернул простыню вокруг бёдер, поднял правую руку и встал перед зеркалом в позу известной статуи Октавиана Августа.

И тут произошло непостижимое: зеркало, словно расплавленное олово, растеклось по стене и превратилось в дверной проём, из которого показались две тёмные женские фигуры. Их глаза горели жадным огнём, а руки, извиваясь, как щупальца, тянулись к нему. Стас отшатнулся, простыня скользнула на пол, а он стоял, как истукан, боясь отвести от видений взгляд. Он чувствовал, что если хоть шевельнётся, то случится ещё нечто более страшное.

— Где!? — вопрос прозвучал глухо, как удар колокола на дальнем кладбище, — Икра!?

От нестерпимого ужаса Стас заорал не своим голосом, схватившись за голову. И тут ему в унисон грянули мощные аккорды, а затем торжественную мелодию подхватил стройный хор: «Союз нерушимый республик свободных…» У Стаса текли по лицу слёзы, он дрожал, крестился и матерился.

Не помня себя, он оделся, выскочил из дома и, как умалишённый, помчался в сторону городского пляжа. «Задолбало всё, — бормотал он, не отдавая себе отчёта, зачем туда бежит, — в гробу я видел такую жизнь!»

Над водой стелился лёгкий туман, деловито скользили утки, выбирая клювами ряску, на пирсе неподвижно сидел дед с удочкой.

Стас стащил с себя одежду, отрешённо глядя вдаль, на середину реки, непреодолимо манящую его своим стальным покоем. Его пошатывало, словно всю ночь крутили в центрифуге. «Утопиться что ли? — подумал Стас. — Ладно, поплыву, а там видно будет». Он зашёл в воду и услышал прямо у себя над ухом хриплый возглас рыбака:

— Леший тебя сюда принёс! И так поклёвки никакой, так ещё ты другого места не нашёл!

— Спокойно, дед, где хочу, там и топлюсь!

— Да где ж спокойно, когда ты рыбу до осени мясом снабдишь, а на моих опарышей она и смотреть не будет! Иди уже отсюда, божье попущение!

Он замахнулся длинным удилищем и Стас, инстинктивно пригнувшись, прыгнул вперёд и поплыл.

Речная прохлада приятно обволокла тело, смыла ночную муть, освежила голову.

Делая ритмичные и размашистые взмахи руками, он доплыл до середины водоёма, лёг на спину, задышал спокойно и равномерно. В светлом небе плыли лёгкие облака, а между ними и гладью воды острым клином летела белоснежная эскадрилья чаек. И вдруг одна из птиц серебристым истребителем спикировала прямо на Стаса. Через пару секунд чайка, став похожей на иглу, отвесно вошла в воду рядом с головой пловца. Вынырнув с рыбёшкой в клюве, птица снова набрала высоту и полетела к берегу подкрепляться.

Стас со страху перевернулся и, гулко хлопая ладонями, быстрыми сажёнками погрёб назад.

— Хорошая скорость! Только технику надо подтянуть, вот так руки при кроле должны идти, — у берега стоял высокий, широкоплечий загорелый мужчина лет сорока и показывал Стасу движения.

— Да тут не до стилей, я думал, что она мне в лоб влетит и глаза выбьет.

— Вот так-то оно топиться! — возник рядом неугомонный дед, — я тебе сразу сказал: не пугай мне рыбу, и без тебя есть кому, — рыбак покосился на атлета.

— Хорош бухтеть, Петрович! Хочешь, чтобы никто твою солитёрную кильку не пугал, дуй отсюда под мост и там сиди. А здесь вообще территория клуба.

— Какого клуба? — робко вклинился Стас.

— Клуба закаливания. Вывеску видишь?

На пятачке, возле самой воды, расположились три вагончика, над которыми, действительно полукруглой аркой висела вывеска с изображением то ли моржа, то ли морского котика.

— Пойдём покажу, как у нас тут здорово. В первом вагончике можно переодеться, оставить вещи, здесь и спортзал: хочешь, педали крути, хочешь на беговой дорожке потей, жир сбрасывай. Хотя наши бегуны народ крепкий, по любой погоде снаружи бегают. Теперь смотри: позанимался, переходим в сауну.

Из второго вагончика на Стаса приятно пахнуло сухим жаром дерева, приятным запахом душицы, зверобоя, мяты и каких-то ещё трав.

— Хорошо как, — потянул носом Стас.

— А то! — согласился его проводник. — Сидишь, млеешь, организм до косточек прогреваешь, а через поры вся химия, все токсины из тебя выходят. А потом под моржевичок, — он показал рукой на огромную бочку в углу, — дёргаешь за ручку, и водичкаосвежает тебя, в чувство приводит, к жизни возвращает. Но это летом, а зимой…

Он прошёл дальше, распахнул двери третьего вагончика, и Стас увидел довольно уютное помещение, обшитое вагонкой, с деревянным столом, лавочками.

— Здесь наша столовая. Присядь, я тебя чаем угощу. Так вот: зимой бурим прорубь три на четыре. Ты же

знаешь, как закаляется сталь? Сначала в жаре, в огне, добела, а потом в ледяную воду…

«Шш-шш-шшь…» — зашипело сзади и Стас аж подпрыгнул на деревянной скамейке.

— Ты чего, это ж самовар закипел. Я сегодня дежурный по клубу, вот за порядком слежу, баньку поддерживаю, вот баранки, конфеты к чаю, бери не стесняйся.

Стас отхлебнул большой глоток и второй раз чуть не подскочил, почувствовав во рту что-то обжигающе-горькое, противное.

— Это наш фирменный чай с имбирём, от простуды, гриппа, от всех болезней лечит. Ты завтра приходи, у нас клубный праздник будет: с Нептуном, водяным, русалками… А какие у нас русалки, это надо видеть!

Тут Стас вспомнил про своё дежурство и заметался глазами в поисках часов. Часы были и показывали полвосьмого, и он немного успокоился — до восьми всяко успеет добежать. Стас поблагодарил за мерзостный чай, быстро оделся и всю дорогу, пока бежал до обкома, плевался, стараясь избавиться от перечного привкуса во рту.

9

Летом Стас каждое утро перед работой прибегал на пляж, плавал, занимался на тренажёрах, перезнакомился с моржами и бегунами, стал своим в клубе.

Лида закончила учёбу и нашла работу в школе. Они встречались по выходным, гуляли, и Стас самозабвенно хвастался девушке своими новыми рекордами, рассказывал на сколько километров и минут превзошёл себя — пробежал или проплыл больше, чем в прошлый раз. Лида рассказывала забавные истории о коллегах и о прочитанных книгах. Была одна тема, которую оба старались не затрагивать — Светкина свадьба...

На свадьбе было весело. Они, как добросовестные и порядочные свидетели, помогали рассаживать гостей, придумали несколько интересных конкурсов и заданий молодожёнам. Стасу поручили на хранение «золото партии» — обручальные кольца молодых, а он забыл их перед росписью. Потом выяснилось, что это была шутка, чтобы взбодрить общую атмосферу. Лида гордо сидела рядом с невестой и стойко охраняла её от «злоумышленников». Хотя потом у неё всё равно украли туфельку, но это же свадьба. Все были довольны. Всё было прекрасно.

Но это были её впечатления о светкиной свадьбе. Когда же они со Стасом снова встретились, он пожаловался, что еле пережил эти два дня и постарается забыть их, как страшный сон. Лида приняла это на свой счёт и вспыхнула от обиды до слёз.

— Ты так относишься к свадьбам в принципе или только к тем, где я присутствую?

— Лидочка, дело совсем не в тебе…

— То есть происходило что-то такое ужасное, о чём я даже не подозревала и не знаю до сих пор? И это, по-твоему, нормально?

Стас почувствовал досаду на себя. Дёрнула его нелёгкая за язык, теперь придётся рассказывать всё с самого начала, а это стыдно и вообще не стоит. А если рассказать только про свадьбу, будет непонятно. Лида молча смотрела на него, ждала ответа, чем дольше затягивалось его молчание, тем тягостнее становилось у неё на душе. И Стас решил сжечь за своей спиной все мосты с кораблями.

— Это началось ещё в тот день, когда я пришёл делать предложение…

Лида слушала его, прижав ладони к щекам, с широко распахнутыми глазами. Её лицо, как зеркало, отражало эмоции, которые боролись друг с другом: изумление, испуг, ужас. Наконец, она не выдержала и сочувственно выдохнула:

— Что же ты мне ничего не сказал об этом?

Стас горько усмехнулся:

— Это твои единственные родственники, а я жалуюсь на них. Сама подумай, как я буду выглядеть в твоих глазах?

— Но я ж не Нина из «Кавказской пленницы», чтоб меня за двадцать пять баранов продавать! Хотя, какие бараны, за банку икры! Это потому, что я не комсомолка, спортсменка, красавица! — Потрясённо воскликнула Лида, чуть не плача.

— Да ты самая красивая девушка на свете! А они этим как раз пользуются! На свадьбе даже детей против меня настроили!

— Тех двух милых малышек, которые за Светкой фату несли?

— Да! Твоя тётя к ним подошла и стала причитать, да так жалобно, с подвываниями: «Ой, вы ж бедненькие де-е-точки, не досталось вам икри-и-чки! Обделили, обидели…» Они глазами лупают, не понимают, но всё равно накуксились, а потом и вовсе в слёзы, сначала одна, а за ней другая.

— Кошмар какой-то!

— А Серёжа этот, брачующийся, на меня так зыркал, будто я его маму на расстрел водил. Думаешь, чего? Его тёща свежеиспечённая всё накручивала: «Держись, дескать, на тебя вся наша надежда, свидетель вон сидит, палец о палец не ударит, честь свою охраняет».

— Да неправда! Мы столько всего делали! Я к вечеру ног под собой не чуяла, так устала. Может, тебе послышалось такое, шумно ведь было?

— Так она и ко мне потом подсела, кулаком щёку подпёрла и давай охать со слезой на голубом глазу: «Если бы на столе икра была, гости кричали бы не «Горько!», а «Вкусно!»

Лида не выдержала напряженияоно заискрилось и прорвалось безудержным смехом. Стас надулся, как сыч, а потом и его отпустило, и они долго хохотали, чувствуя облегчение.

10

— Как я по тебе соскучилась, сестричка, — Светка поставила перед Лидой дымящуюся чашку золотистого грузинского чая, — ты совсем нас забыла…

— Светочка, что ты! Я не забыла, просто чуть меньше времени стало, работа… Но я как от мамы узнала, сразу к вам, благо у меня по субботам часов нет.

— Кушай, детка, вот колбаска, сырочек... В перерыв в нашем заводском магазине выкинули, очередь отстояла километровую. Сахарок в чай клади, не стесняйся, — хлопотала тётя. — Из-за этих проклятых самогонщиков теперь берём по талонам, но ты такая редкая гостья! Всё, что у нас есть бери, угощайся.

— А ещё табак по талонам! — вмешалась Светка. — Хорошо Сергей не курит, мы соседу сигареты на стиральный порошок меняем.

— Каждый день что-то пропадает! Скоро, наверное, хлеб по талонам будет!

— Не дай Бог, Лидонька! В сорок седьмом году продуктовые карточки отменили. Так это после войны, после

неурожая! А сегодня все заводы работают, поля колосятся, экономика растёт, а ничего нет! Бери, Америка, нас голыми руками! Одним спекулянтам радость! А Стасик твой курит? — неожиданно спросила тётя.

— Нет, — замотала головой Лида, — наоборот, он спортом занимается, ещё с лета начал по утрам перед работой на речку бегать, он её уже туда и обратно переплывает в самом широком месте!

— То-то я смотрю, куда это он утром с рюкзаком мчится, а он плавать… А как же служба?

— Он потом сразу туда едет и переодевается, форма у него на работе висит.

— Ну, поняла, поняла… Так у вас с ним всё хорошо, говоришь?

— Да нормально, тётя Лариса, а что?

— А вот что: вы не тяните, а то с такими перестройщиками скоро всё медным тазом накроется, и свадьбы не сыграешь — ни постельного, ни носков, ничего не будет.

— Ну потом всё равно же наладится, — беспечно успокоила её Лида.

Тётя Лариса только покачала головой...

Вечером, посовещавшись, родственницы составили крупномасштабный план по осчастливливанию Лиды и её избранника. Учитывались тончайшие нюансы психологии, суровые реалии экономической ситуации и международные тенденции. И прямо с утра они решили приступить к осуществлению первого этапа плана.

Едва месяц растаял в свете занимающейся зари, они обе уже завтракали возле открытого кухонного окна, поглядывая на пустынную улицу.

— Шарлотка просто тает во рту! Отрежь мне, Светочка, ещё кусочек. Ручки у тебя золотые!

— Да, мамочка, сейчас. Бочок тут подгорел, мы его Серёге отрежем. Сам виноват, не мог проследить, пока мы досмотрим. Ему всё равно этот сериал, как шёл, так и ехал.

— Да он просто сухарь! У меня слёзы в два ручья, так жалко бедняжку Изауру!

— Да чего её жалеть? — с досадой фыркнула Светка, — рук работой не марала, репу не сажала, полов не мыла! Знай бренчи на фортепиано, да морду недовольную делай! А яхуже рабыни пашу на работе и дома, а этот олух Серёга только и знает, что к мамочке на фазенду мотаться, да самогон через трубочку потягивать… — она всхлипнула.

— Доченька, всё наладится! Он простой, деревенский, и слава богу! Мы его отучим, найдём ему другое занятие.

— А до чего ж красивый мужик Леонсио! Всё при нём, да ещё и богатый! О такой любви только мечтать!

— Да чудовище он! Радости с его красоты и богатства! Вот актёр, да, хорош, он когда на Изауру смотрит, глаз горит.

— Конечно, горит! Она в каждой серии наряды меняет, платья одно другого шикарнее! А я всё, что с Серёгой в салоне купила, теперь до старости таскать буду пока на нитки не разлезется!

— Светик мой, а чего мы с тобой тут сидим, не забыла? Спой-ка лучше ту песню, из фильма.

Светка повеселела и завела полюбившуюся им обеим мелодию, поводя плечами и прищёлкивая в такт ложками.

— Замбелегарунгеунгазумгарунге…

— А вот и наша цель!

11

На фоне редких и пока ещё легко одетых прохожих, Стас выглядел хорошо экипированным на любой случай: хоть на рыбалку, хоть на Эверест, хоть для кругосветного путешествия. Зелёный с коричневыми пятнами камуфлированный рюкзак придавал ему сходство с гигантской черепахой, которая стремительно двигалась по центральной улице к ближайшему водоёму.

— Задержи его, а я сейчас встречу, — тётя Лариса набросила лёгкий жакетик и пошла к дверям.

— Мальбрук в поход собрался, ахаха!… Привет, Стасик! — высунулась в окно Светка и помахала рукой.

Стас остановился, довольно улыбнулся в ответ.

— Доброе утро! Не в поход, а на речку.

— А что у тебя в рюкзаке такое ценное, чем ты так нагрузился?

— В рюкзаке ласты, маска для плавания, полотенце, много чего ценного… Утром вода, как парное молоко, и чистая, никаких курортов не надо!

— Это тебе не надо, — возразила, подошедшая к нему тётя Лариса, — а другие уже чемоданы пакуют. Я второй раз вижу нашего соседа Сенечку возле ОВИРа.

— Да мне что за дело до него?

— Тебе ни чего нет дела… А Сенечка Гуревич в Америку собрался. И мама его Роза Семёновна тоже.

— Попутного ветра ему в спину! И маме барабан на шею! Им и тут неплохо жилось, все места блатные позанимали. А вы-то чего за них так распереживались?

— А потому, что собрались они нашу Лиду в США увезти! Границы открыли, всё вывезут, останется один неликвид, на ком ты тогда будешь жениться?

Стас вытаращил глаза.

— Что это значит? Она мне вообще ничего не говорила. Она что, с Сенечкой всё это время встречалась?

Родственницы переглянулись и замахали руками.

— Да ни с каким Сенечкой она не встречалась! Тут другое! Ты разве не знаешь, что в еврейских семьях мама глава семьи?

— Ну?

— Так вот, Роза нашу Лидочку с самого детства с рук не спускала, души в ней не чаяла, ленточки дарила, косички заплетала. Тетешкает и приговаривает: «Красавица моя, невестушка моя, буду любить, как родную доченьку!» Сеня её ни рыба, ни мясо, кого мама выберет, с той и поедет в Америку. А ты будешь плавать в своей речке, одинокий, как Ихтиандр…

— Так чего же вы от меня хотите?

— Мы хотим счастья нашей племяннице. Но не заокеанского, на чужбине, среди небоскрёбов, золотых пляжей и кадиллаков, а с нами, на родине…

— Стасик, я без моей любимой сестрички с ума сойду и от тоски умру! Светка схватила его за руку и умоляюще заглянула в глаза. — Ты же обещал на ней жениться? Действуй! Счёт пошёл на минуты…

12

Ни свет, ни заря, а для любителей точного времени, в шесть пятнадцать, когда у Людмилы Васильевны оставалось ровно пять минут на то, чтобы выпить чаю с бутербродом и бежать на работу, в дверь раздался звонок.

Первое, что ей пришло в голову — в санузле прорвало трубу и затопило соседей. Это уже стало фобией, трубы были старые, ржавые, мокрели, и она каждое утро собиралась зайти в РЭУ и вызвать слесарей-сантехников. Но они начинали работу с восьми, а заканчивали после обеда, который у них редко обходился без магарычей от благодарных жильцов. Людмила Васильевна порывисто распахнула дверь, готовая к неприятностям, и удивлённо замерла на пороге.

Раскрасневшийся, запыхавшийся и взъерошенный Стас через порог протянул ей бутылку шампанского и красно-коричневую коробочку духов «Тет-а-тет» и возбуждённо затараторил.

— Здравствуйте, а я троллейбус не стал ждать, сразу пешком пошёл и за 19 минут быстрым шагом….

Людмила Васильевна только хлопала ресницами и не могла ничего сообразить. «То ли он выпил, то ли случилось что-то чрезвычайное», — начала тревожиться она.

— Лидочка спит ещё, у неё занятия во вторую смену сегодня, а мне уже на работу пора…

— Пусть спит, я к вам, ваше благословение нужно, — он шагнул в прихожую, — не уйду без него! Сколько же ждать?

— Какое? — уверилась в своих предположениях Лидина мама.

— На наш брак!

— Да что ж за срочность такая, чтобы спозаранок бежать?!

— И так дотянули, будем теперь в хвосте телепаться! А Роза Семёновна пусть едет, и там свой шейтель заплетает, а то ей самой лапти сплетём!

Людмила Васильевна совсем переполошилась — Стас явно не в себе. А если сейчас Лида проснётся, испугается? Нужно срочно что-то придумать.

— Стасик, разве я против? Пойдём, ты меня на завод проводишь. По дороге поговорим, и всё обсудим…

Она поставила шампанское и духи на трельяж, пригладила рукой волосы и вздохнула, прощаясь с остывшим чаем. Быстро обувшись и заглянув в сумку, где лежал пропуск, она подхватила буйного жениха под руку и вывела из квартиры.

— Плохо, что по дороге, дело серьёзное, надо обстоятельно говорить, а не на ходу, в спешке — не унимался и бубнил Стас.

— Да ты пойми: меня же люди ждут. Если продукцию вовремя не отгружу, будет затор, весь цех на уши встанет, начальник прибежит и меня накажут. Про какой хвост ты говорил?

— Про очередь на квартиру, вот какой. Ещё в восемьдесят шестом Горбачёв программу «Жильё 2000» запустил — каждой советской семье по отдельной квартире. Могли бы уже получить, а мы даже ещё и семьи не создали!

Людмила Васильевна облегчённо выдохнула.

— Стас, так вы же ещё тогда не встречались! А программы ихние… Я чтобы эту однокомнатную квартиру получить, на очереди стояла пятнадцать лет, ишачила на государство, ни одного субботника не пропустила... А Роза Семёновна каким боком здесь?

Станислав бросил на неё быстрый, настороженный взгляд и покраснел.

— Я верю, что это реально. У нас огромный потенциал. Вы сами знаете, видите: в городе завод цементный в три смены работает, кирпичный, ЖБК, темпы строительства растут, — вполне могут обеспечить! А какой экспорт нефти, цены растут, страна богатеет.

— Да люди шепчутся, что не растут, а падают, только. «Они», — Лариса Васильевна понизила голос, — скрывают это. И про пятьдесят миллиардов внешнего долга говорят. Проедим все запасы и всё.

Поток спешащих на смену людей обмелел. Он стал больше похож на тоненькие быстрые ручейки, стекающиеся к проходной и спешащих просочиться прежде, чем им отсечёт путь зычный рёв заводского гудка.

— Станислав, мы с Лидой ждём тебя вечером. Если она согласна, хоть завтра подавайте заявления, я буду только рада за вас.

И Лариса Васильевна скрылась в разверзшейся, огнедышащей и всепоглощающей пасти завода.

13

Подготовка к свадьбе очень суматошное и непростое дело. Кажется, что месяца для этого вполне достаточно, но как только Стас и Лида от планов, которые они старательно выписали на листе бумаге, перешли к их воплощению, начали случаться драматические, а порой и мистические события.

В стране свирепствовали, соревнуясь между собой, тотальный дефицит и «сухой закон». В столицах и крупных промышленных центрах снабжение было намного лучше, чем в провинции, но даже доступ к тому немногому, что распределялось, имели очень немногие категории населения: номенклатура, торгаши, члены творческих союзов, ветераны и инвалиды. Молодые офицер и учительница испытывали на себе географические и социальные диспропорции в полной мере.

Сначала удача благоволила им. В первые же выходные после того, как Стас и Лида подали заявление, они вместе с родителями отправились в ресторан «Русская тройка» заказать зал и угощение. Директор, дебелая дама с высокой прической и множеством золотых колец, посетовала, что ресторанное меню сейчас в сильно урезанном виде и не всё можно позволить, что ещё недавно, в «брежние времена», было доступно. Спиртного тоже нет. Запрещено. Впрочем, если со своим и перелить в бутылки из-под газированной воды, кувшины, чайники и прочую посуду, то можно.

По простым расчётам расклад получался такой: по талонам полагалась одна бутылка водки на человека в месяц. Их пятеро. Плюс ещё ящик по справке из ЗАГСа. Родители пообещали поскрести по сусекам, и молодёжь немного успокоилась.

Теперь встала во весь свой страховидный рост другая проблема: наряд для невесты и жениха. В магазинах шаром покати, а то, что выкидывалось нужно было «ловить» и выстаивать в очередях. Поэтому решили не тратить времени, взяли пригласительную открытку и сразу поехали в магазин для новобрачных.

Как только они вошли в распределитель, Лиде показалось, что они попали в совершенно особый, волшебный мир. В большом и светлом помещении их окутал опьяняющий аромат какой-то другой, счастливой жизни. С одной стороны, воздушно-облачно трепетали и колыхались белоснежные платья для невест, с другой, словно заземляли и уравновешивали, строгие темные костюмы для женихов. Между ними на полках… Чего только там не было: белые туфельки и перчатки, капроновые колготки, парфюмерия, постельное бельё, расписные жостовские подносы и павловопосадские платки, маленькие складные японские зонтики, чайные и столовые сервизы, хрусталь, а прямо

по центру сверкал, как жар-птица, ювелирный отдел.

Лиду неудержимо влекло к прилавку, как в пещеру Али-Бабы. Очнулась она от созерцания красоты только тогда, когда продавщица с видом небожительницы положила перед ними на бордовую бархатную подставочку два обручальных кольца. «Двести сорок и двести шестьдесят рублей, всего пятьсот», — улыбаясь озвучила она их стоимость. Лида внутренне ахнула и посмотрела на Стаса. Он спокойно кивнул, подумав, что не глупый был совет, сделать отсрочку. В радостном волнении они примерили кольца, и совершили первую покупку.

Подойдя к полкам с обувью, ахнули — сплошной импорт: Австрия, Югославия, ГДР, Венгрия… У Лиды загорелись глаза: хотелось и невесомые свадебные туфельки, и модельные бежевые лодочки, и серебристые босоножки на тонком каблучке…

— Должна вас предупредить, товар у нас отпускается строго по списку одна вещь в одни руки, — с холодной улыбкой прервала её муки выбора хозяйка отдела.

— Это как? — поинтересовался Стас.

— Одни туфли, одни босоножки, одни сапоги женские. С мужской обувью так же.

— А одежда? — с надеждой обратилась Лида, рассматривая серый, идеально скроенный, итальянский костюм для жениха.

— И одежда, — нехотя, словно делая одолжение, процедила продавец.

— Понятно. Дайте нам вот эти белые туфли и серебристые босоножки 36-го размера, — Стас показал на понравившиеся Лиде пары.

— И вот этот шикарный костюм давай тебе купим! — восторженно подхватила Лида.

— К этому костюму у нас в нагрузку набор из шести деревянных ложек с хохломской росписью идёт. Приглашение давайте, — раскрыла журнал учёта и, сверив какие-то номера, надменная небожительница, превратилась в советскую тётку-торгашку. — Так у вас тут всё выбрано! Какой вам ещё костюм? И обуви понабрали на всю деревню!

Молодые люди недоумевающе переглянулись.

— Мы у вас ничего не брали. Вы с кем-то нас путаете.

— Я ничего не путаю, сами смотрите! — она ткнула наманикюренным пальцем в журнал, где рядом с номером их приглашения был целый список приобретений. — Неделю назад хорошо так скупились и уже забыли?

— Это вы блатных да родственников отоварили и «забыли»! — разозлился Стас.

— Или людям втридорога загнали, спекулянты проклятые! — с жаром подхватила Лида.

— Мы на вас в ОБХСС заявим, будете им сказки свои рассказывать!

Лицо тётки окаменело, она выскочила в боковую дверь, и вскоре вернулась с заведующей. Начальница вежливо представилась и попросила прояснить ситуацию.

— Вот, наша открытка-приглашение. Через две недели свадьба и мы пришли купить всё, что нам полагается. А ваша сотрудница заявляет, что мы тут весь отдел скупили.

— В нашей жизни важнейшее событие, а нам настроение испортили.

Стас и Лида были полны благородного негодования.

Заведующая внимательно слушала их, но её серые, мутные глаза оставались холодными и колючими. Прямо кожей ощущалось, что с подчиненной у неё давно устоявшаяся, прочная ментальная связь. Продавщица всё время разбирательства молчала, обиженно сжав губы «куриной жопкой».

— А, может быть, вы кому-то давали свою открытку на время, и кто-то воспользовался?

Стас раздражённо отмахнулся от вопроса.

— Не выдумывайте себе оправданий!

А у Лиды в голове разом сверкнула огненная молния и громом ударил Светкин вкрадчивый голос: «Всего на пару денёчков... А я тебе свою шляпку и фату дам, чтобы вы не тратились напрасно».

Она в ужасе схватила Стаса за рукав и молча потащила к выходу. Он удивлённо смотрел на её смятенное бледное лицо, сначала пытаясь понять, что случилось, потом подчинился её напору и движению, пока они не оказались на улице.

Лида едва сдерживала слёзы, не зная с чего начать, потом глубоко вздохнула и сбивчиво рассказала, как к ней заходила вечером Светка, и они так приятно посидели, поговорили, она ей столько полезного рассказала, предложила ей свою кружевную свадебную шляпку и попросила…

— Как она могла так поступить? — наконец, не выдержала и расплакалась Лида.

Стас начал смутно догадываться ещё в магазине, а сейчас его опасения подтвердились, да ещё вспомнились рассказы будущих родственниц про эмиграцию Гуревичей в Америку, и кровь бросилась ему в голову.

— Ладно, ничего прорвёмся! Но теперь пусть на глаза мне не попадаются! И на свадьбе чтоб духу их не было!

14

От части по приказу Череповского выделили три легковушки, и с раннего утра Стас с друзьями наряжали их разноцветными атласными лентами, воздушными шариками, крепили к бамперу куклу.

Подъезжая к дому невесты, машины сигналили так, что соседи, какие только были дома, повысовывались по пояс из окон, а стайка голубей, чинно гуляющая по газону, испуганно хлопая крыльями поднялась в воздух. К подъезду, где они остановились, со всего дома начала сбегаться мелкая детвора в предвкушении зрелища, конфеток и монеток.

Вход был перетянут верёвкой, на страже его стояли нарядные подружки невесты во главе с хитро улыбающейся свидетельницей.

Жених и свидетель вышли из машины, оба в парадной форме. Вдоволь нагудевшись, подкатила ещё на двух машинах и «группа поддержки».

Ободрённый чувством локтя, Стас вспомнил известный фотоснимок Великой Отечественной «Комбат», обернулся к друзьям, эффектно поднял руку с воображаемым пистолетом «На штурм!» и шагнул вперёд.

— Кто к нам пожаловал! — завела сладкие речи свидетельница, — молодцы бравые, щедрые, удалые! Цель визита вашего?

— Я приехал за невестой! — подбоченился жених.

— Дождались! — со смехом захлопали подружки в ладоши. — Выбирай любую! Все красавицы и в загс все готовы хоть сейчас!

— Моя невеста краше всех, самая любимая, и других мне не надо!

И пошло-понеслось:

— Опиши-ка нам невесту, коль пришел на это место!

— Чтоб к невестушке пройти, выкуп денежкой плати!

После каверзных вопросов, конкурсов и испытаний, оставив весь свой «золотой запас» в виде конфет, шампанского и денег коварным и весёлым охранницам, Стас, наконец, увидел Лиду.

Она порозовела от волнения и действительно была прелестнее всех. Букет белых роз, который жених преподнёс невесте, добавил очарования и нежности её новому образу.

В простом, но очень красивом белом платье и кружевной шляпке, надетой на распущенные волнистые волосы, она показалась Стасу волшебной феей, на которую устремлены все взгляды, отбирая тем самым у него по частичке счастья.

Он занервничал, хотя, по сути, ничего страшного не происходило: она улыбалась ему, улыбалась подружкам, гостям. Она просто улыбалась, немного отстранённо и ласково, как в мультфильмах могло бы улыбаться солнце.

Внезапно задрожавшей рукой Стас достал из нагрудного кармана белоснежный платок, вытер вспотевший лоб и ощутил приступ паники: сейчас они поедут в ЗАГС и для него начнётся другая жизнь. А вдруг он не готов к ней?

15

Освежив голову и подкрепив силы шампанским с бутербродами, молодёжь во главе с женихом и невестой стала выдвигаться на регистрацию. Опираясь на руку Стаса, Лида бережно придерживала белоснежное платье, пока они спускались по лестнице. На крыльце подъезда им под ноги полетели пшеничные и рисовые зёрна, конфеты в разноцветных обёртках, звонкие золотистые и серебристые монетки. Лидина мама со счастливым лицом стояла ближе всех к ним и держала в руках плетёную корзинку. Она зачерпнула из неё полную пригоршню алых лепестков роз и подбросила их над головами молодых: «В добрый путь! Счастья вам, детки мои!»

Это было так красиво, что Лида от избытка чувств засмеялась и заплакала, а собравшиеся вокруг соседи и друзья захлопали в ладоши и стали наперебой их поздравлять. Но пора было ехать.

Лида с девушками села в первую машину с наряженной невестой пластмассовой куклой на капоте, Стас со товарищи двинулись следом.

У входа их уже дожидались родители и родственники Стаса, приглашённые коллеги с обеих работ. Все были нарядные, радостно улыбались, одобрительно подбадривали жениха, невесту и свидетелей.

Центральный городской ЗАГС построили через год после Олимпиады по проекту — «промышленно-бытовая вставка между домами». И снаружи, и внутри он являл причудливое смешение советского и византийского стилей: бетонная громадная арка и маленькие сводчатые окошки по бокам от входа, просторный современный холл с гардеробом и девушкой на ресепшене, сверкающий пол с отражёнными на его зеркальной поверхности шикарными золотыми люстрами.

Поднимаясь на второй этаж по широкой лестнице, Стас совсем некстати вспомнил, как его друг детства и одноклассник Генка пригласил его на свою свадьбу, а накануне решил затеять мальчишник. Бурное прощание с холостяцкой жизнью закончилось окончательным и полным расставанием. Под утро кто-то из случайно влившихся в их пирушку собутыльников выбросил его с седьмого этажа.

«Что же в такой день меня так колбасит?» — думал Стас. Он незаметно провёл рукой по карману, всё в порядке, коробочка с кольцами на месте.

Взглянув на светлое, безмятежное лицо своей без пяти минут жены, почти успокоился. Именно её он и хотел видеть рядом на всю дальнейшую жизнь.

После трогательных заученных слов регистратора, обмена кольцами и скрепляющего официальную церемонию поцелуя, на них хлынул поток поздравлений и пожеланий, объятий, букетов…

Краем глаза Стас обнаружил две знакомые женские фигуры, которые стояли поодаль, улыбались и оживлённо беседовали с его сослуживцами. «Не может быть! Неужели Лида их всё-таки пригласила?» — в душе смешались чувства досады, возмущения и смутной тревоги.

Но потом его подхватила и закружила волна новых, приятных и радостных впечатлений и забот, и беспокойство улеглось, а картинка стёрлась. После росписи новобрачные во главе свадебной свиты прошли через главную площадь к Вечному огню почтить память павших героев Великой Отечественной войны и возложить цветы.

Потом ещё с час колесили по городу в поиске каких-то мостов, которые по приметам нужно переехать, перенести на руках невесту, написать письма, выпустить голубей и воздушные шарики. А поскольку «мостов счастья» требовалось семь, а в городе было от силы четыре, к некоторым возвращались по второму разу.

И когда они добрались к «Русской тройке» их уже заждались. Всего собралось человек двадцать пять. На фоне женских светлых, праздничных платьев и строгих мужских костюмов особенно ярко выделялись сослуживцы Стаса, надевшие форму, чтобы поддержать жениха. Гости дружно закричали «Ура!» и образовали живой коридор, усыпая дорогу молодым лепестками роз и монетами, а перед входом в ресторан стояли родители.

Обе мамы держали на вышитом рушнике каравай с солью, а в руках отца Стаса был поднос с двумя бокалами шампанского и разрезанное пополам яблоко. Благословляя детей и желая им счастья мамы так волновались, что у обеих глаза были на мокром месте, у отца бокалы на подносе кренились то в одну, то в другую сторону до положения Пизанской башни, и только тамада свободно и непринуждённо, как рыба в воде, везде успевала и виртуозно направляла всю эту бурную, многоголосую, живую реку в свои берега. С шутками прибаутками и частушками, весело и шумно все перешли к застолью.

16

Здесь царил и благоухал яркий праздник: по-домашнему щедрый, и по ресторанному изысканный. Яркий свет больших люстр, белоснежные скатерти, жесткие от крахмала, живые цветы, корзиночки с фруктами, красивая посуда и сверкающие приборы вызывали радостное возбуждение, предвкушение удовольствия и здоровый аппетит. Гости с воодушевлением занимали свои места.

Жениха и невесту торжественно усадили за стол в форме буквы Т в самом центре. Слева и справа от них сели родители, а уже перпендикулярно к ним расположились родственники, друзья и сослуживцы. Организаторы всё предусмотрели: чтобы кавалеры и дамы чередовались, сгруппировали молодёжь с одной стороны, ближе к зоне для танцев, а гостей постарше – с другой, чтобы им было удобно общаться.

После первого тоста всеведущей тамады за долгую, счастливую жизнь новобрачных и напутственных слов родителей, для которых дети всегда остаются детьми, свидетельница под охраной свидетеля взяла огромный поднос и призвала гостей заложить материальный фундамент молодой семьи.

Дары представляли собой праздничные конверты с надписями — «на Мерседес», «от семьи Гусаковых», «будущая шуба соболья», «пропуск в красивую жизнь» — и с последующими объятиями и трёхкратным целованием.

Плавное и поступательное движение вдруг застопорилось, весёлые восклицания стихли. К молодым приближалась нарядная, дородная дама с высокой причёской и орлиным взором. В руках у неё были лыжи.

— Это Роза Семёновна, моя соседка, — шепнула Стасу Лида, не отводя от неё изумлённого взгляда.

— Знаю, это начальница моей матери, — кивнул Стас.

Она остановилась прямо перед ними, обвела обоих жгучим взором и улыбнулась.

— Мазальтов, дети! Украл-таки, разбойник, мою радость, невестушку мою! Надеюсь, у тебя есть деньги так себя вести, чтобы такой свежий благоуханный цветочек не зачах и не засох!

Её большие чёрные глаза обожгли Стаса и ласково-покровительственно остановились на Лиде.

— Это подарок тебе. «Карелия» — не лыжи, а золото! Целые, вечные! Сенечка всю школу в зимние каникулы на них бегал! И когда уже в институте учился - тоже! Отбегался мой сыночек, — она промокнула увлажнившиеся глаза платком, — нет в Тель-Авиве снега. Радости, любви и счастья вам! Уважайте, поддерживайте друг друга, а если что… — она сделала недолгую паузу, — Сенечка до сих пор ещё не женат, а я ещё не уехала, моя милая Лидуш!

Роза Семёновна крепко обняла молодых, повернулась к притихшим гостям и жестом дирижёра взмахнула рукой:

— Какой бы сладкой ни была любовь, компота из неё не сваришь. Чтоб союз был в радость только, крикнем Стасу с Лидой горько!

И совсем уже некстати Стасу вдруг пришло на память начало дворового стишка: «стою на асфальте я в лыжи обутый…» — отчего поцелуй на губах словно полынной веточкой тронуло.

Лыжи были переданы «хранителям даров» и молодожёны присели, чтобы перекусить. Стас рассеянно жевал какие-то нарезки и скользил взглядом по лицам гостей. Музыканты на эстраде заиграли «Малиновки заслышав голосок».

— Мы в училище под эту песню перед вечерней поверкой маршировали! Эх, времечко было!

Он радостно начал подпевать: «Прошу тебя, в час розовый Напой тихонько мне, Как дорог край берёзовый В малиновой заре…», ища взглядом своих сослуживцев, но тут улыбка медленно, как свет в кинотеатре, стала гаснуть.

Полковник Череповский, с бутылкой в жилистой руке, по-гусарски приподняв локоть, наполнял бокал Ларисе Васильевне, а та продолжала что-то важно говорить и благосклонно кивала. Между Косточкой и Могилкой сидела разряженная довольная Светка и щебетала, кокетливо улыбаясь то одному, то другому кавалеру. Поймав взгляд Стаса, обе умолкли, а затем синхронно поднялись из-за стола и медленно, как в его страшном сне, двинулись вперёд. Лариса Васильевна шепнула пару слов тамаде и та, округлым жестом остановила музыку:

— Сейчас, дорогие друзья, счастья новой семейной паре пожелают самые близкие родственники невесты. Любимая тётя, которая нянчила Лиду с пелёнок, следя за тем, чтобы они всегда оставались сухими и чистыми, и старшая сестричка, научившая свою любимицу всем женским премудростям: готовить, шить, вязать, накладывать макияж…

На них обратились заинтересованные взгляды присутствующих, и молодожёнам пришлось снова выйти из-за стола.

Стас смотрел в переносицу Лидиной тётки и стоически повторял про себя, как заклинание: «Только бы не сорваться, только бы…»

— Совет вам да любовь, молодёжь! Вы вступаете в новую жизнь, а жизнь прожить — не поле перейти. Берите в неё только хорошее, обид не держите, а кто старое помянет — тому глаз вон. А мы вам дарим символ семейного счастья и желаем безбедной супружеской жизни.

Лариса Васильевна торжественно раскрыла сумочку, с видом иллюзиониста достала маленькую консервную баночку с надписью: «ИКРА лососевая зернистая» и протянула её Стасу.

— Пусть ваш дом всегда будет полон детей, гостей и добрых новостей!

Он стоял, растерянно глядя на красно-зелёную банку, и думал: «Когда же это испытание закончится?» Новоиспечённые родственницы улыбались с видом —«мы прекрасны, как бриллианты в небе», народ шумел и требовал: «Горько!», Лида встревоженно заглянула Стасу в побледневшее лицо.

Поцеловав невесту, он со смятенным сердцем взялся за металлическую петельку-ключ, как за кольцо гранаты, и потянул, не зная, чего ещё ожидать от этих данайцев, дары приносящих.

Крышка легко поддалась, и содержимое банки вполне соответствовало своему названию. Кажется, обошлось без сюрпризов. Воспользовавшисьтем, что к Лиде подбежали поболтать подружки, Стас направился к коллегам по службе. Он зачерпнул ложкой икру, собираясь вывалить её на горку варёной картошки, дымящейся в большой глубокой тарелке перед офицерами.

— Угощайтесь, товарищи командиры.

Те переглянулись и кисло заулыбались. Командир части с гримасой таможенника Верещагина из всенародно любимого фильма «Белое солнце пустыни» отстранил руку Стаса.

— Не жили мы красиво, лейтенант, не стоит уже и начинать. Мы к селёдочке привычнее, да с лучком. Так, мужики?

Командир роты капитан Могилка проверил пуговицы на рубашке и отрапортовал:

— Так точно, товарищ полковник!

А замполит майор Косточка добавил:

— Ты гуляй, лейтенант, свои законные дни, но не забывай, на неделе у нас годовщина Октябрьской революции, а у тебя дежурство по штабу. И смотри, чтоб без происшествий!

Сергей ПРОХОРОВ
Нижний Ингаш

Сергей Тимофеевич Прохоров - член Союза писателей России, член -корреспондент литературной академии республики Крым, член Международной Федерации русскоязычных писателей, автор более двух десятков книг . Основатель двух литературно-художественных журналов: «Истоки» и «Литкультпривет!» известных в России и за рубежом. За вклад в русскую словесность и национальную культуру награжден Международной Федерацией орденом «Культурное наследие». Живет в сибирском районном посёлке. К своему 80-летию издал книгу стихов «Гимнастика ума», которыми делится сегодня с читателями журнала «Литкультпривет!

КОГДА ДУША ПОЁТ

***

К перу потянется рука
За мыслью вслед,
В блокноте вычертит строка
Чернильный след,

И будет это сердца стук
Иль просто стих –
Уже блокнотному листу
В себе нести.

НЕДЕЛИ ДНИ

Молниеносные, как выстрел,
В плену дорог и этажей
Недели дни проходят быстро,
Ну, вот и пятница уже.

А к ней прибавились заботы
В семейное житьё-бытьё.
И вот, глядишь, уже суббота
Сушить развесила бельё.

А где-то в космосе кометы –
Снуют горящие огни…
Так наша жизнь незаметно –
Сгорает, как недели дни.

***

Предвидя и любя,
Любя и ненавидя,
Мы создаём себя,
В себе того не видя.

Абракадабра лиц
В зеркальном отраженье
И вспышка чувства – блиц
Миражного сраженья.

КОГДА ДУША ПОЁТ

И стар годами уж, и хил,
Сидишь в интерсети.
И до сих пор творишь стихи –
С ума сойти!

Но если это хорошо –
С Пегаса и не слазь,
Чтоб меж страной и Ингашом
«Литкультпривета» связь,

Сквозь расстоянья и года
Сердечных строк полёт.
А возраст - это ерунда,
Когда душа поёт.

ПРОХОРОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Не сегодня, не в помине лет
Я подумать мог едва ль –
Нарекли моей фамилией
Межрайонный фестиваль.

То событье величайшее
Разве я предвидеть мог…
На тарелочках и чашечках
Обозначен образ мой.

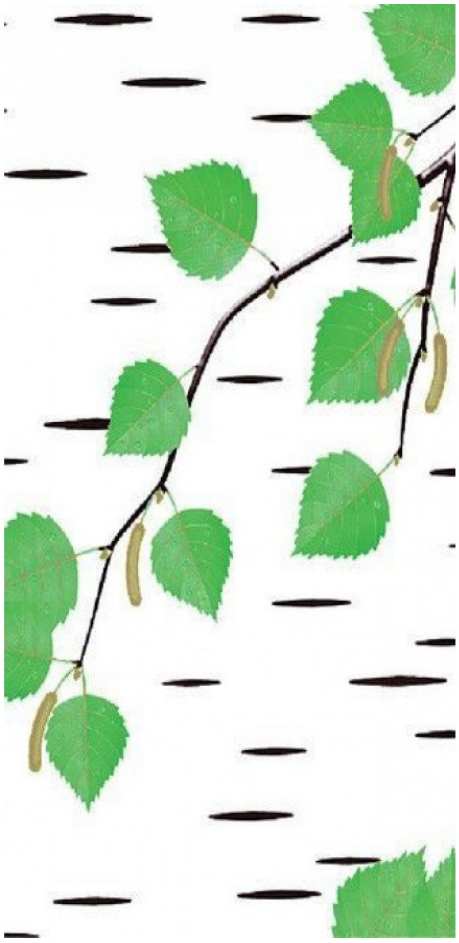
Образ в сущности критический,
Но лет прожитых не жаль,
Лет, родивших поэтический
Прохоровский фестиваль.

АВГУСТ

С летом времечко проститься,
Урожай лишь соберём.
Вот и роща августится
Скорой встречей с сентябрём.

Тяжелее утром росы,
Разноцветней окоём.
Первый лист, слетев с берёзы,
Прозвенит вчерашним днём.

И повеет лёгкой грустью
Уходящего тепла,
И рябиновою гроздью
Заалеет дар села.



Обзор поэзии июльского «Литкультпривета»

…вспыхивают мерцания: приглядитесь – они окажутся таинственными буквами, обещающими…многое:

Ясно вижу все буквы
И вдали,
И вблизи...

Чётко слышу все звуки
От слезы
до грозы...

Как волшебник,
Слова
Превращаю в дела...

Графическая чёткость поэзии Н. Ерёмина, чей подборкой открывается новый номер журнала «Литкультпривет!», высока, и, виртуозно совмещая иронические напевы и метафизическую силу, поэт рисует свою картину мира, где каждому перу эмоций найдётся место, где всё сбалансировано и интересно…

Поэзия Е. Степанова последних лет пропитана горькой мудростью, укреплённой сущностью стоицизма, и скорбь своеобразной музыки поэта даётся через компактность исполнения произведений и гармонию, словно своеобычный костяк оных:

Боль, бессмысленность, усталость,
Слабенький иммунитет.
Слава Богу, мне осталось
Жить не очень много лет.

Я земной наелся каши,
Вижу свет и н о й вдали.
Я хочу домой, к Наташе,
И подальше от земли.

Вот такой – своеобычный – гимн совершенствованию исполняет Степанов:

Планета под названьем «Плохо»,
Где раздражает каждый чих.
И постоянно ждешь подвоха
И от себя, и от других.

И всюду гибельные сети,
И неизбывна волчья сыть.
На этой сумрачной планете
И мне пришлось чуть-чуть побыть.

Но это не моя планета.
Мне хочется обжить скорей
Планету явственного света.
И — стать мудрей. И — стать добрей.

С. Максимычева, используя меру опыта и гармонии, стремится вывести русский код, знак русскости, и образный строй, используемый поэтом, вспыхивает сильными накатами слов и строк:

Он сеял дождь сквозь решето:
босой блаженный деревенский.
Блестела маковка с крестом,
стоял на горке храм Успенский.

Народ копеечку давал,
молитва к небу возносилась.

Не вышел статью – худ и мал,
но в нём была такая сила!

Перекличка – в стремление раскрыть оный код: но, разумеется, на своих оборотах миропонимания – слышна в поэзии Е. Харитонова:

Сидит у храма на лужайке,
Потрёпанный, как этот век,
Нет, ни алкаш, ни попрошайка,
А жизнью битый человек.

И чтоб унять в душе тревогу,
Прикрыть на сердце синяки,
Свои ладони тянет к Богу!
А мы кладём в них пятаки.

Круг единства мироздания просвечен поэзией В. Мазманяна: точно, с использованием пейзажа, с кряквами, становящимися необыкновенными персонажами:

Монетку солнца ищут кряквы
на дне холодного пруда,
все обещания и клятвы
давно проверили года.

Пробилась на газонах зелень,
и талая вода сошла,
тот возраст, что назвали зрелым,
совсем не чувствует душа.

Своеобразное сочетание лирики и метафизики демонстрирует В. Шнайдер: тонко, на вибрациях нитей-строк, организуя свои поэтические повествования:

Ухожу, прощай, не жди ответа
на вопрос о смысле бытия.
Жизнь и смерть – абстрактные предметы,
на второе ставлю нынче я.

И себя ты не кори напрасно,
что свой век урезал я на треть.
Водевиль с названьем «Жизнь прекрасна»
я не в силах далее смотреть.

Таково поэтическое дыхание очередного номера журнала: и чистота его, вместе сила внушают некоторый оптимизм – в наши апоэтичные времена.

Александр БАЛТИН

Коллеги и почитатели с маэстром Прохоровым